

Раздел третий

Культура русской речи

Стилистика и культура речи³⁰

В рамках учения о культуре речи рассматривается поведение языковых единиц в повседневном речевом общении, неофициальном и официальном, устном и письменном, от бытовых диалогов до радио- и телепередач, научной монографии. При этом письменный и устный тексты (а также – реплики в диалоге, отдельные фразы), анализируются, во-первых, с позиций литературной нормы, с точки зрения правильности употребления языковых средств; во-вторых, с точки зрения выразительности текста, ясности, доходчивости и убедительности изложения, яркости, красоты слога (разумеется, при содержательности данного текста).

Принципиально значимо, как и насколько современная речевая практика (речевой обиход, если так можно сказать) соответствует сложившимся в обществе представлениям:

о грамматической, орфоэпической правильности и о правильном, точном употреблении слов;

о лексическом разнообразии письменного текста и устного выступления;

об уместности использования тех или иных языковых средств в конкретных речевых ситуациях и контекстах;

о том, насколько мотивированно и искусно применяются в построении фраз, абзацев, текста (в целом), в подборе, выборе слов и фразеологизмов приемы, способы усиления действенности текста, “украшения” речи, благодаря которым достигается ее выразительность, ясность, логичность, в конечном счете – комфортность (т.е. легкость понимания, “приятность” при восприятии речи) адресата текста;

обобщенно говоря, – о том, насколько наша речь (и в домашней обстановке, и на радио, и с экрана телевизора, и в печати, и в деловой и личной переписке, и с театральной сцены) соответствует требованиям национальной речевой культуры.

Когда мы говорим о культуре речи, то имеем в виду:

тот идеал речевой культуры (или языковой идеал), который складывается в обществе на протяжении длительного времени (усилиями ряда поколений) и находит свое воплощение в литературном языке, т.е. в текстах (письменных и устных), созданных и создаваемых в соответствии с литературными нормами. Под языковым идеалом³¹ понимается совокупность сложившихся в обществе, в языковом сознании членов данного общества (главным образом – носителей

литературного языка) представлений о том, “что такое хорошо и что такое плохо” в применении средств данного национального языка в текстах, вообще в речевой коммуникации. “Существование языкового идеала у говорящих, – подчеркивал А.М. Пешковский, – вот главная отличительная черта литературного наречия... в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования” (Пешковский, 1959, с. 54);

речь носителей языка, или речевую культуру данного национального общества, и индивидуальную речь, или речевую культуру отдельного человека (члена общества);

систему правил, рекомендаций построения правильной (по литературным нормам), ясной и выразительной речи.

Понятие “культура речи” и само учение о культуре речи включают в себя два аспекта, подхода к исследованию лингвистического материала, представленного в текстах (письменных и устных), к самим текстам, к их речевой (или композиционно-речевой) структуре, а также к специальным проблемам данной научной дисциплины.

С одной стороны, культура речи – это некоторая культурно-историческая категория, в которой обобщены (как несомненные достоинства) приемы и способы целесообразного использования языковых средств в текстах национальной письменности и устной словесности, образцы построения правильной, ясной и выразительной речи.

С другой стороны, исследование проблем культуры речи предполагает анализ конкретного лингвистического материала, представленного в текстах, в речевой коммуникации носителей языка. Этот языковой материал рассматривается дискретно: как единицы, категории языковой системы, используемые (vs. функционирующие) в реальных текстах, в реальной речевой коммуникации; анализируется также организация этих языковых средств в текстах (в зависимости от целей и условий речевого общения носителей языка) с позиций правильности и выразительности речи.

При рассмотрении культуры речи в первом из названных аспектов на первый план выступают такие понятия (и соответствующие проблемы), как национальная речевая культура, речевая культура конкретного национального общества определенной (современной) эпохи, культура речи отдельного человека (индивида) – члена общества.

Национальная речевая культура – исторически сложившаяся совокупность всего лучшего, образцового, традиционно устоявшегося в стилистическом отношении, т.е. в сфере выражения средствами

конкретного национального языка идей, мыслей, чувств носителей данного языка, передачи информации, всей суммы социально-, культурно значимых для данного национального общества знаний, понятий, представлений.

Отличительная черта русской национальной речевой культуры – стилистическое разнообразие текста, письменного и особенно устного, полифоничность экспрессивных красок, нередко соединение в рамках микроконтекста (или в целом тексте) языковых средств, имеющих разные (до полярности) стилистические выразительные потенциалы. Живой оборот речи, меткое словцо, сказанное к месту, поговорка или удачно найденное крылатое выражение – все это способствует рельефному подчеркиванию авторской мысли, обостряет ее восприятие аудиторией, стимулирует внимание, повышает интерес к тексту, оратору, к тому, о чем он говорит. Всегда, даже в строгих жанрах, такое “оживление” текста благожелательно воспринимается слушателем и читателем.

Отмеченное свойство русской речи присуще ей искони. Оно заложено в национально-демократических началах народной речи, развитых не только традициями русской классической литературы и публицистики, отечественного красноречия, но и традициями ясного, динамического, целесообразно организованного, яркого и остроумного изложения сложных теоретических проблем классиками нашей науки. Вполне закономерно, что немало монографий, статей, вошедших в золотой фонд русской науки, отмечены неповторимой стилистической индивидуальностью. Самобытная творческая манера письма, нестандартность в точном выражении мысли, удивительная доходчивость изложения (А.И. Герцен говорил: “Нет трудных наук, есть трудные изложения”) отличают труды историка В.О. Ключевского, ботаника К.А. Тимирязева, физиолога И.П. Павлова, математика и инженера А.Н. Крылова, физика С.И. Вавилова, филолога Д.С. Лихачева...

Об удивительной способности академика А.Н. Крылова придавать своей речи “прекрасную стилистическую форму и безупречную правильность” с восхищением писал замечательный филолог академик А.С. Орлов. Он отмечал “свойственную Алексею Николаевичу художественность восприятия и изображения, что сказывается во всех родах его сочинений – и в научных, и в новеллистических, – во всех видах его речи, всегда соответствующих назначению и цели данного труда” (Орлов, 1946, с. 78). Особенно любил Крылов афоризмы. “Афористическими цитатами, серьезными и шутливыми, Алексей Николаевич

пользовался очень широко как в быту, так и в науке, но чаще всего в педагогике” (Там же. с. 82). (Ср. оценку М. Горьким речи одного из своих современников: “Он был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи. Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество пословиц, поговорок, артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружая ее. Не знаю, это ли называется “талантом оратора”, но слушать его было наслаждением” (Горький, Т. 17. с. 94).

И всегда речь анемичная, заштампованная, бедная экспрессивными красками, с однообразно построенными или громоздкими фразами вызывает у всякого русского неизменно отрицательную реакцию. Паустовский – создатель прекрасной русской прозы, образцовой в своем стилистическом исполнении, отвергал “ведомственный язык” как не соответствующий эстетике нашей национальной речевой культуры (см. Паустовский, 1961, с. 16.) (это видно из цитаты, приведенной несколько дальше).

Языковой идеал (идеал речевой культуры), на который должен ориентироваться носитель языка, складывается, собственно говоря, на базе национальной речевой культуры. К языковому идеалу мы стремимся, ориентируясь на язык лучших национальных писателей, публицистов, на речь выдающихся актеров, других представителей русской культуры. Всем известен крупнейший филолог современности академик Д.С. Лихачев. Каждый из нас слушал его выступления. Вы не могли не отметить для себя академически точную речь ученого, человека книжной культуры слова. И вместе с тем речь простую в своей мудрости, глубокую по мысли, ясную по форме, доступную и школьнику, и рабочему, и физику-теоретику. Диктор Центрального телевидения И. Кириллов так говорит о речи Лихачева: “Если бы меня попросили привести пример образца русской речи, я бы, не задумываясь, назвал речь Дмитрия Сергеевича Лихачева. Она, как я часто говорю, льющаяся, свободная, рождается тут же, у тебя на глазах” (Кириллов, 1989, с. 74).

Естественно, языковой идеал от эпохи к эпохе меняется под влиянием изменений общественной жизни и стилистических тенденций в соответствующий исторический отрезок (ср. Винокур, 1991, с. 40).

Поскольку всякий язык исторически развивается и в своем развитии связан с историей общества, члены которого говорят на данном

языке, учение о культуре речи рассматривает современное состояние речевой культуры конкретного народа – носителей данного языка – с максимальным учетом тех социокультурных, культурно-исторических и историко-лингвистических обстоятельств и условий, в которых складывается и сложилась речевая культура определенного современного национального общества.

Состояние современной речевой культуры конкретного национального общества обусловлено развитием письменности (в ее жанровой и содержательно-тематической дифференцированности), художественной литературы, средств массовой информации, устной публичной речи, функционально-стилевой дифференциации национального литературного языка, ролью разговорной речи в системе литературного языка, степенью ее активности, употребительности в книжной речи: в письменных стилях, в устной публичной речи, в текстах электронных СМИ.

В связи с изучением состояния речевой культуры в конкретном современном национальном обществе перед учением о культуре речи встают важные и сложные вопросы анализа, исследования так называемого языкового вкуса современной эпохи, представляющегося реакцией носителей конкретного языка а) на социально-политические и культурные события и процессы в жизни данного общества; б) на ведущие тенденции употребления языковых средств в современной литературной речи, в речевой коммуникации в целом. Задача ученых – установить, какие проявления языкового вкуса соответствуют/не соответствуют основным процессам, тенденциям эволюции конкретного современного литературного языка, действующей системе литературных норм и динамике ее развития.

Благодаря языковому (или общественному, “культурно-речевому”) вкусу происходит известное регулирование, своего рода настройка функционирования языка в новых социокультурных, культурно-исторических условиях общественной жизни и в соответствии с новыми тенденциями в развитии стилистической структуры конкретного литературного языка, с новыми веяниями в использовании языковых средств в ходе речевого общения, в их организации в литературных текстах.

В книге В.Г. Костомарова “Языковой вкус эпохи” раскрываются многие процессы и явления, наблюдаемые в современной русской литературной речи как реализация языкового вкуса современной эпохи. Приведем лишь некоторые обобщения и наблюдения автора: “...Для нашего времени особенно актуально такое качество “хоро-

шей речи”, как свежесть, т.е. стремление к обновлению примелькавшихся средств и приемов выражения” (Костомаров, 1994, с. 24); “Общественный вкус нынешнего времени, несомненно диктует демократизацию речи, что естественнее всего связывается с обновлением литературного канона за счет внутренних языковых ресурсов, за счет заимствований из вне- и нелитературных сфер общенародного языка” (Там же. с. 60) и т.п.

В круг вопросов учения о культуре речи входят изучение и оценка речевой культуры отдельного человека – носителя данного языка (в нашем случае – русского) с позиций действующих литературных норм и критериев выразительности речи. И индивидуальная речь, и общая речевая культура, присущая нашим современникам, рассматриваются и оцениваются в сопоставлении с языковым идеалом и с ведущими тенденциями развития современного русского литературного языка, с учетом тех эволюционных процессов и речевых новаций, которые наблюдаются в нашем языке на рубеже XX – XXI вв.

Культура речи отдельного человека (индивида) предполагает его умение четко выражать мысль, строить фразы, сочетать их друг с другом, добиваясь ясности, логичности и живости изложения. Важно найти точные слова, подобрать подходящий фразеологизм, какой-нибудь афоризм или цитату из художественного произведения, к месту, удачно и тактично (!) пошутить, скаламбурить. Конечно, надо правильно произносить слова, расставлять ударения, верно употреблять грамматические формы. Учитывается и манера говорить (писать) индивида, его склонность, пристрастие к тем или иным словам, речевым оборотам, к коротким или длинным предложениям.

Все эти вопросы, наряду с изучением речи определенных социальных групп (студентов, школьников, вообще молодежи, людей разных профессий и т.д.), входят в “компетенцию” культуры речи.

При рассмотрении основной проблематики и фактического языкового материала в соответствии со вторым из намеченных здесь подходов к изучению культуры речи предполагается анализ лингвистического материала и его организации в текстах (письменных и устных) с целью выяснить:

соответствует ли использование языковых средств литературным нормам и основным тенденциям эволюции современного литературного языка (речевая правильность);

соблюдается ли элементарная логичность изложения (ясность речи, точность передачи мысли);

удовлетворяют ли тексты, отдельные речевые акты, современная речевая коммуникация в целом требованиям выразительности, эстетики речи.

Как очевидно, данный аспект учения о культуре речи наиболее актуален для целей практического овладения основами культуры речи, т.е. правилами и рекомендациями построения правильной, ясной, доходчивой речи (для этого необходимо прочно освоить литературные нормы и активно, сознательно ими руководствоваться в речевой практике); критериями выразительной, яркой, убедительной речи в полном соответствии с современным языковым идеалом, с высокими мерками национальной речевой культуры.

Учение о культуре речи оценивает речевые факты, устанавливая степень их нормативности (насколько они приемлемы с точки зрения литературных норм), уместности употребления в данной речевой ситуации, мотивированности их присутствия в том или ином тексте.

Культура речи предполагает, чтобы соблюдались не только общелитературные нормы, которые обязательны во всех текстах и речевых ситуациях, но и нормы речевого поведения, свойственные определенным социальным “ролям” носителей литературного языка. Ведь вы знаете, что есть известные слова, речевые формулы, которые мы используем в транспорте, на улице, в магазине, в очереди, на приеме у врача и т.п. Необходимо следовать нормам употребления речевых средств, которые установились для тех или иных жанров письменных текстов (например, личное заявление, лирическое стихотворение, научная статья и т.д.) для каждого стиля. Учение о культуре речи придает принципиальное значение также динамичности и убедительности изложения.

В учении о культуре речи рассмотренные (кратко) два аспекта “культурно-речевой” проблематики соотношены между собой, взаимобусловлены. Действительно, рекомендации по использованию языковых средств в ходе речевого общения, по их организации в текстах ориентированы на литературные нормы и на критерии, образцы национальной речевой культуры, на языковой идеал современной эпохи.

Учение о культуре речи теснейшим образом связано с учением о языковой норме; можно даже считать, что учение о норме входит составной частью в учение о культуре речи. Это объясняется тем, что проблема нормализации языковых единиц, установления “правильности” (с точки зрения литературного языка!) какого-либо варианта языковой единицы, построения фразы, способа сочетания языковых

единиц в зависимости от контекста, типа текста, жанра, функциональной разновидности литературного языка представляется центральной для культуры речи. В программной статье “Очередные вопросы культуры речи” (1955), в которой были сформулированы основные положения концепции культуры речи, С.И. Ожегов на первое место ставит именно проблему “нормализации языка”.

Научно обоснованная нормализация литературной речи, научно обоснованные заключения относительно нормативности/ненормативности конкретных речевых явлений строятся на базе:

а) исторического исследования закономерностей развития литературного языка, сложившихся к современному периоду его существования, основных тенденций языковой эволюции, характеризующих современное состояние литературного языка. “Язык всегда движется, развивается вместе с развитием общества. Поэтому правильная, объективная оценка современного состояния русского языка и его норм должна опираться... на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка” (Ожегов, 1974, с. 287);

б) положения о системной организации языка;

в) функционального подхода к единицам и категориям языковой системы, в силу которых конкретное речевое явление рассматривается в контексте свойственных ему системных связей и известных закономерностей функционирования, правил употребления или актуальных тенденций употребления соответствующих языковых категорий и фактов прежде всего в литературном языке (в его функциональных разновидностях), а также в разных социокультурных сферах национального языка: в просторечии, в диалектной, жаргонной речи, в речи города, в профессиональной речи, в речи молодежи.

При анализе конкретных речевых явлений, особенно ненормативных, важно в первую очередь учитывать, с одной стороны, строевые законы данного языка, определяемые системными отношениями в языке (на основе этих законов складываются обычно литературные нормы, являющиеся единственно возможной формой или наиболее предпочтительным вариантом языковой единицы, например: мой сын, моя дочь, хотим – не хотим), с другой стороны, действующие литературные нормы. Вот как, к примеру, объясняет С.И. Ожегов некоторые речевые явления (“Литература и жизнь”, 1958, 12 сент.): “Произношение слова портфель с ударением на первом слоге вместо портфёл или сирэнь с твердым “р” вместо мягкого не оправдано правилами языка и поэтому справедливо оценивается как явная неправильность...”

Совсем другого характера ударение звѣнишь (на первом слоге). Это – отступление от старого традиционного произношения данного слова, развившееся закономерно, но еще не считающееся нами нормой (как, впрочем, и до сих пор. – Ю.Б.). Закономерно это потому, что в глаголах на “ить” вполне обычна подобная передвижка ударения”. См., например: давить/давишь, травить/травишь, ловить/ловишь, губить/губишь, рубить/рубишь и т.п.³²

Среди “культурно-речевых” проблем большое место отводится анализу явлений и процессов, наблюдаемых в разных сферах употребления русского языка, т.е. в разных сферах речевой коммуникации. Это, например, особенности речевого общения в среде производителей, научных работников той или иной специальности, медиков, в ходе разного рода собраний, в условиях так называемых ролевых ситуаций, когда участники таких ситуаций выступают в разных социальных ролях: в служебной обстановке, в сфере обслуживания, в кругу семьи и т.д.

Таким образом, круг исследований в области культуры речи охватывает всю полноту современной языковой жизни общества, т.е. берется во внимание не только литературный язык, но и явления диалектной, жаргонной речи, просторечия, явные ошибки в образовании форм, в употреблении слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций, в произношении.

Уместно напомнить, какое удручающее впечатление произвело на Чуковского одно лишь коротенькое словцо ляжь в устах молодой элгантной женщины, которое, как сильный химический реактив, проявило уровень ее общей культуры. То же относится и к формам лектора, автора, выбора, к склонению существительных типа пальто, метро (все это распространено в просторечии), к таким формам, как площадь, часть (нормативное – площади, части), к орфоэпическим вариантам глаголов начать, принять (с ударением на а и и; как и площадь, часть, эти глаголы с таким ударением – принадлежность южнорусских диалектов, откуда указанные речевые явления пришли в просторечие). Встретив в некоторых школьных сочинениях фразы вроде “Савельич обратно спросил Гринева”, “Манилов не знал, сколько крестьян померло у него”, тоже можно сделать определенный вывод об уровне речевой и общей культуры их авторов.

Ясно, что перечисленные и подобные речевые явления – за рамками литературных норм. С точки зрения культуры речи они допустимы в устных и письменных текстах носителя литературного языка (т.е. в

беседе, публичном выступлении, в статье, книге и т.п.) только как “языковая игра”, как своего рода цитаты “чужой речи” из внелитературной сферы национального языка, например, в шутку или при копировании речи кого-либо, при воспроизведении анекдота, при цитировании речи литературного персонажа и т.п.

В речи многих наших современников появились назойливые слова-паразиты как бы и типа. Эти слова вполне уместны в контекстах, речевых ситуациях, в которых говорится о похожести чего-, кого-либо на действительный, настоящий предмет или конкретного человека (лицо определенного рода занятий), на действительно совершающееся/совершившееся определенное действие или о неполном соответствии предмета разговора его подлинной сущности, его настоящему функциональному назначению (например: Мне снится: я как бы плыву, но вокруг дети бегают; Он шел как бы в тумане: кругом ничего не видно, все заволочло какой-то пеленой; устройство типа центрифуги, учебное заведение типа интерната; мужчина типа Джеймса Бонда).

Однако сравнительно-уподобляющая частица как бы и предлог типа (употребляющийся в родительном падеже существительного) очень часто используются в современной речи (и в бытовых диалогах, и в служебном разговоре, и в электронных СМИ, и в газетах, и в речи домохозяйек, научных работников и политиков, не говоря уж о речи молодежи!) ошибочно, в не свойственных им контекстах, с чуждой грамматической сочетаемостью и вопреки присущей им семантике. Например, преподаватель просит определить падеж существительного год в словосочетании человек года. Ответ: года – как бы в родительном падеже. Нередко возникают анекдотически звучащие или бессмысленные фразы вроде: Ты мне как бы нравишься; Суд как бы вынес приговор (суд вынес как бы приговор): 5 лет лишения свободы. Особенно “режут ухо” фразы: Извините, я типа опоздал на занятие; Он типа не вернул мне долг, или, как поется в популярной песенке: Я тебя / Типа “лю”, типа “блю”! Все это свидетельствует о полном отсутствии у авторов подобных высказываний языкового чутья. В таких и подобных фразах предлог типа в нарушение сложившейся грамматической сочетаемости (с родительным падежом существительного) соединяется с глаголом.

Пристального внимания с позиций учения о культуре речи требует неуместное и неоправданное применение в разговорной речи (впрочем, и в публицистике, и в научных текстах) элементов деловой речи, канцелярского стиля. Немотивированное присутствие в обыденных разговорах канцеляризмов тоже свидетельствует о недостаточной ре-

чевой культуре тех, кто ими пользуется. Ведь высокая культура речи предполагает, что говорящий/пишущий опирается на более или менее точные представления о стилях, хорошо ориентируется, в каких случаях и когда можно, нужно, целесообразно воспользоваться тем или иным стилистическим средством.

К. Паустовский в статье “Живое и мертвое” писал: “Появилось у нас довольно много людей, владеющих двумя языками – языком ведомственным и языком живым...”

Шаблонный и неуклюжий язык протоколов и отчетов считается у этих людей как бы эталоном современности – языком, единственно пригодным для служебной и общественной жизни. Живая и образная речь отодвигается на второе место – в область семьи, личных привязанностей и увлечений” (Паустовский, 1961, с. 16).

Однако такой “язык” достиг и личных отношений. Об этом очень эмоционально и убедительно написано К. Чуковским в книге “Живой как жизнь”. Корней Иванович приводит в качестве иллюстрации такие, например, “перлы” из обывденной речи самых разных людей, которые он “слышал своими ушами”:

- Тебя не лимитирует плащ? (спрашивает дачник свою жену).
- Мы с женой не конфликтуем никогда (говорит тот же дачник).
- Чуть выходишь за калитку, сейчас же зеленый массив!
- Какие мероприятия предпринимаете вы для активизации клева? (это вопрос рыболова).

Молодой человек <...> увидел у калитки пятилетнюю девочку, которая стояла и плакала. Он ласково наклонился над ней и, к моему изумлению, сказал:

- Ты по какому вопросу плачешь?

Чувства у него были самые нежные, но для выражения нежности не нашлось человеческих слов...

...Всех этих людей объединяет одно: они считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в свою речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, донесений и рапортов (Чуковский, 1962, с. 111-112).

Неуместно вставляется во фразы глагол “озвучить”, возникший в русском языке как термин кинематографии (в значении “записать звуковое сопровождение фильма отдельно от съемки”). Однако этот термин, очень понравившийся чиновникам, то и дело (но отнюдь не “по делу”) звучит в речах политиков (см., например, Г.А. Зюганов:

“Они будут провоцировать столкновения на Красной площади. Уже озвучили о том... (Торбаневский и др., 2000, с. 137); Н.И. Рыжков: “Мы поддерживаем те кандидатуры, которые вами озвучены (Там же., с. 48) и даже журналистов (например: “Он же озвучил информацию о том... Сысоев скорее озвучивал свою точку зрения, чем администрации (Там же, с. 130), в Грозном сообщение о встрече озвучил... (Там же, с. 110).

Не говоря уже о неправильном управлении при переходном глаголе (о том), глагол озвучить употребляется в расширительном смысле “прочитать, огласить чужой текст” (для этого есть в литературном языке общепринятые слова прочитать, огласить) и к тому же с нарушением элементарного правила выбора слова (употреблять слова в точном соответствии с его значением, требуемым контекстом фразы) – см. в цитированной фразе из выступления Рыжкова: “поддерживаем кандидатуры, которые вами озвучены”. Здесь надо: названы, выдвинуты.

Чуковский изобрел специальный термин – по образцу медицинских терминов колит, менингит – канцелярит, чтобы обозначить это действительно болезненное стремление необдуманно, неуместно и в то же время намеренно (“для придания важности”) вставлять в свою речь канцеляризмы: специальные слова, обороты, клише, штампы, которые сложились в бюрократическом, чиновничьем языке при составлении официальных бумаг и которые, кстати, в таких бумагах бывают необходимы. Известно, что сам Пушкин воспользовался соответствующим канцелярским оборотом, оформляя договор о съеме квартиры на Мойке (в Петербурге): “К сему титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил”.

В уместном, мотивированном применении не только канцелизмов, но и вообще всех языковых средств громадную роль играет то, насколько в каждом человеке воспитан вкус, или чутье языка.

С.И. Ожегов дал исчерпывающее определение культуры речи: “Что такое высокая культура речи? ...Это умение правильно, точно и выразительно передать мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но высокая культура речи заключается не только в следовании норме. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения мысли, но и наиболее доходчивое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное” (Ожегов, 1974, с. 287-288).

Такое понимание культуры речи предполагает два уровня знаний и навыков, умений, две ступени владения языком. Когда говорят об овладении культурой речи, обычно различают два этапа. Первый – освоение литературных норм; знание этих норм гарантирует правильную речь, которая составляет основу достаточно высокой индивидуальной речевой культуры. Второй – высшая ступень овладения литературным языком – культура речи в собственном смысле, когда уже усвоены литературные нормы, т.е. обеспечена правильность речи, и говорящий/пишущий свободно владеет всеми ресурсами языка для создания ясной, выразительной, аргументированной и убедительной речи.

Практика овладения культурой речи, особенно на первом этапе, предполагает целенаправленную программу “лингвистического воспитания” носителей конкретного языка. Известный чешский лингвист А. Едличка под “языковым воспитанием” подразумевает “приобретение знаний нормы литературного языка и умений использовать их в устной и письменной речи” (Едличка, 1978, с. 117). Итальянский языковед Б. Мильборини связывает достижение результатов (как он пишет) “языкового воспитания” с воспитанием “хорошего вкуса”. В этом он видит путь к высокой культуре литературного языка (см. Мильборини, 1971, с. 332). Б. Мильборини считает, что в ходе “языкового воспитания в школе” “формируется определенный вкус, передается традиция стиля, лексики, грамматики, управляемых хорошим вкусом и умением выбирать” (Там же. с. 336).

“Филологическому воспитанию” носителей конкретного (русского) языка придавал первостепенное значение академик Л.В. Щерба, непосредственно связывая с “филологическим образованием” развитие, воспитание специального лингвистического, литературного чутья (см. Щерба, 1957, с. 117) у носителей языка, столь необходимого особенно в эпохи повышенного, активного языкотворчества, обусловленного коренными социально-политическими преобразованиями общества и крутыми переменами в его духовной жизни.

Приведенные здесь сведения, наблюдения из сферы культуры речи позволяют сопоставить учение о культуре речи и стилистику. Стилистика сосредоточивает свое внимание преимущественно на литературном языке, а внелитературные явления рассматривает с точки зрения того стилистического эффекта, который достигается (или не достигается) в результате привлечения в литературный текст³³ – ненормированных элементов (из просторечия, жаргонов, говоров).

Учение же о культуре речи в орбиту своего внимания, наряду с

явлениями литературного языка, включает внелитературные речевые факты, оценивает их с точки зрения нормативности, правильности в употреблении и/или образовании, выявляя мотивированность их присутствия в текстах, диалогах. В этом последнем вопросе учение о культуре речи смыкается со стилистикой.

Существенно также подчеркнуть, что круг наблюдений над внелитературными явлениями в исследованиях по культуре речи гораздо шире, чем в стилистике. Это можно объяснить тем, что в повседневный речевой обиход (в нем могут участвовать и носители народно-разговорной речи) ненормированные факты речи проникают в несравненно больших масштабах, чем в строгие литературные тексты. Причем в повседневном речевом обиходе ненормированные явления используются в силу непосредственных житейских потребностей, а в литературные тексты они включены с определенными стилистическими целями. Так что количественный перевес таких речевых фактов в сфере культуры речи приобретает качественный характер, влияет на ее исследовательские задачи и на сам подход к анализу фактического материала и научных проблем.

Для того чтобы лучше уяснить различие между стилистикой и культурой речи, полезно посмотреть, как один и тот же текст, одни и те же явления квалифицируются с позиций каждой из этих дисциплин.

Возьмем ставшую крылатой фразу из чеховской “Свадьбы”. Как вы помните, невеста на вопрос жениха об “ученых разговорах” телеграфиста отвечает: “Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном”.

Специалист по культуре расценит эту фразу как типичную для носителя просторечия, не владеющего литературными нормами. Ее может произнести человек малообразованный. И для такого вывода есть все основания. “Сигналы” просторечия здесь такие: во-первых, сверхвежливое, “лакейское” они, когда речь идет об одном человеке; во-вторых, ненормативная глагольная форма “хочут” (вместо литературной хотят). У Чехова эта фраза ярко обрисовывает определенный социально-психологический тип: так мог сказать человек, принадлежащий к среде мелких чиновников, к городским малообразованным жителям, претендующим на “культурное обхождение”.

С точки зрения стилистики перед нами прием использования элементов просторечия, распространенный в художественной литературе для речевой характеристики персонажа, для современной речи – крылатое слово.

Конечно, и с позиции культуры речи такая фраза, сознательно употребленная нашим современником как цитата, крылатое слово, вполне приемлема, если только “к месту” сказана.

Рассмотрим небольшой отрывок из повести В. Белова “Привычное дело”. Один из персонажей повести, Евстоля, рассказывает о деревенском событии:

Вот только бы ее выносить, а Иван-то в избу, да с порога на гроб-от хлесть, еле мы его водой отлили. Похоронили когда, дак вина-то ни капли в рот не взял, как неумной сделался, все сидит, а слезы-ти так у его и катятся, оброс, на себя стал не похож. “Мне, говорит, матка, все равно не жить теперече”. Вот один раз гляжу, вызнялся да побежал, как не в себе, я за им кинулась...

Этот текст весьма красноречиво характеризует Евстолю не только как деревенского жителя, но и как носителя определенного говора. Василий Белов выступает как искусный художник слова, с большим тактом стилизующий речь малограмотной деревенской жительницы, женщины эмоциональной и словоохотливой.

Этот небольшой отрывок насыщен стилистической информацией, имеющей в контексте всей повести эстетическую значимость.

Эстетически значимы включенные в текст речевые факты из всех лингвистических уровней: лексика просторечная (хлесть, сделался, матка) и диалектная (неумной, вызнялся), частицы диалектные (-от, -ти) и просторечная (дак), просторечные формы местоимений (у его, за им), диалектная фонетическая примета (теперече). Порядок слов (разговорного характера) придает речи Евстоли взволнованность (похоронили когда, как неумной сделался, я за им кинулась, слезы-ти... и катятся). Другие приметы разговорной речи (вот-то, только бы, водой отлили, гляжу) дополняют общее впечатление об эмоциональной тональности, импульсивности речи Евстоли.

Примерно так может выглядеть анализ приведенного отрывка с точки зрения стилистики.

В аспектах же культуры речи отмеченные здесь факты просторечия и диалектной речи представляются нарушениями норм литературного языка, свойственными малограмотному сельскому жителю.

Стилистика служит теоретической базой исследований в области культуры речи, дает возможность научно обоснованно квалифицировать наблюдаемые речевые явления, всесторонне охарактеризовать с позиций стилистики языковых единиц, четко установить принадлеж-

ность к определенному стилю, к книжной или разговорной речи, к той или иной социально-речевой сфере литературного языка.

Результаты исследований в области стилистики широко используются в учении о культуре речи. На результатах стилистических разысканий основываются рекомендации культурно-речевого характера по организации языковых средств в текстах разных типов и жанров, для разнообразных целей речевой коммуникации.

Соотнесенность и взаимодействие учения о культуре речи и стилистики убедительно раскрыты в цитированной книге А. Едлички. Нельзя с ним не согласиться, что для культуры речи “центральным вопросом... является понимание сущности литературного языка, его роли и доминирующей функции в общественной коммуникации данного национального общества и его позиции в языковой ситуации в отношении к другим формам существования национального языка... Не менее важно познание стилевой дифференциации литературного языка, границ стилевых сфер в литературном языке и системы стилистических средств” (Едличка, 1978, с. 117–118).

Такая постановка вопроса выдвигает на первый план стилистику как научную дисциплину, имеющую объектом своего исследования именно перечисленные проблемы.

Говоря о взаимодействии между стилистикой и учением о культуре речи, В.В. Виноградов отмечал: “Наука о культуре языка, или культуре речи, представляет собою теоретическую и практическую дисциплину (или сферу исследований), смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положение и выводы как с целью живого, оперативного воздействия на дальнейшие процессы развития языка, так и с целью определения основных эстетических норм, форм и тенденций связи литературной речи с движением стилей художественной литературы” (Виноградов, 1981, с. 175).

Литература

- Пешковский, 1959 – Пешковский А.М. Избр. труды, М., 1959.
Орлов, 1946 – Академик А.Н. Крылов – знаток и любитель русского языка//Вестник АН СССР, 1946, №1.
Горький – Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., М., 1949–1955.
Паустовский, 1961 – Паустовский К. Живое и мертвое//О родном нашем языке. Библиотека “Известий”, №3, М., 1961.

Кириллов, 1989 – Кириллов И. Я за то, чтобы люди меньше смотрели телевизор, а больше читали//“Русская речь”, 1989, №5.

Винокур, 1991 – Винокур Г.О. О языке художественных произведений, М., 1991.

Костомаров, 1994 – Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа, М., 1994.

Ожегов, 1974 – Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи, 1974.

Чуковский, 1962 – Чуковский К. Живой как жизнь. Разговор о русском языке, М., 1962.

Горбаневский и др., 2000 – Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шакин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях литературных норм в электронных и печатных СМИ/Под ред. Ю.А. Бельчикова, 2 изд. испр. и доп., М., 2000.

Мельорини, 1971 – Мельорини Б. Лингвистическая норма и вкус/ Современное итальянское языкознание, М., 1971.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку, М., 1957.

Виноградов, 1981 – Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики, М., 1981.

Егличка, 1978 – Eglička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci, Praha, 1978.

Гибнет ли русский язык?³⁴

Конечно же, русский язык не гибнет и не погибнет, “доколь в подлунном мире” здравствует и действует на исторической арене наш великий народ, “жив будет (если продолжать цитировать Пушкина) хоть один пиит”, пишущий по-русски! Все же необходимо более или менее детальное обсуждение поставленного вопроса.

Все, кому дорог русский язык – язык богатейшей культуры, неисчерпаемых возможностей для выражения сложнейших вопросов бытия, “дум высоких” и “жизни мышья беготни”, – с большой озабоченностью отмечают, что в течение последних 15–18 лет

– заметно снизился уровень речевой культуры носителей русского литературного языка;

– нарушения, и грубые нарушения, литературных норм в разговорной (литературной) речи, и в речи книжной (письменной и устной),

особенно в СМИ, и в речи публичной стали массовыми, а под влиянием радио и телевидения получили широкое распространение;

– сильно активизировались грубые, инвективные (ругательные) слова и выражения, в устных выступлениях, в печатных текстах (включая беллетристику) стал возможен пресловутый мат (“непечатное стало печатным”);

– получили широкое употребление жаргонные слова и речевые обороты;

– наблюдается наплыв немотивированно используемых в речи варваризмов – слов иноязычных, не освоенных русским языком (а значит, малопонятных или вовсе не понятных).

В результате система норм современного русского литературного языка испытывает большое напряжение. Это сказывается больше всего в выборе слов, на их сочетаемости, на управлении, построении фраз, в области произношения.

В связи с негативными процессами наблюдаемыми в русском языке на рубеже XX–XXI вв., наряду с обоснованной озабоченностью, в последние годы говорят об упадке, переживаемом русским языком, об обеднении нашего языка.

Между тем эти сетования, разговоры о том, что русский язык чуть ли не погибает или близок к этому, основаны на ненаучных представлениях о языке как общественном явлении, на незнании устройства “языковой механики”. И надо сразу сказать, что сама постановка вопроса о том, что русский язык погибает, – не верна.

Для объективной оценки негативных явлений, процессов, тенденций, наблюдаемых в современном русском литературном языке, и общих перспектив его дальнейшего развития принципиально важно учитывать целый ряд обстоятельств, обусловленных специфичностью языка как общественного явления и культурно-историческим своеобразием русского литературного языка. Это своеобразие складывается во многом в силу присущей нашему языку, начиная с эпохи Пушкина, общей тенденции его развития в тесном, многоаспектном взаимодействии с внелитературной, ненормированной сферой национального языка – с народно-разговорной речью: народными говорами, жаргонами, просторечием.

Во-первых, изменения в языке, в каждом конкретном языке, в том числе – и в русском, совершаются постоянно (происходит естественный процесс языковой эволюции). Это объясняется во многом тем, что язык тесно, неразрывно связан с жизнью общества, то есть

с жизнью того национального коллектива (этноса, народа), который пользуется данным языком как основным средством коммуникации, общения. Язык служит средством общения в совместной жизни членов данного социума – носителей конкретного языка, в процессе их сотрудничества, взаимодействия буквально во всех областях общественной, хозяйственной, духовной деятельности, в быту на протяжении длительного исторического периода.

И естественно, новые явления, возникающие в жизни, новые понятия, вырабатываемые наукой, новое восприятие, понимание действительности каждым новым поколением носителей конкретного языка – все это передается средствами данного языка. Прибавьте к этому обмен мнениями, горячую полемику по поводу новых и сравнительно давно существующих или традиционных явлений в общественной, духовной сфере, в производственно-технической области, серьезные социальные конфликты, острую политическую борьбу... Причем каждое новое поколение вырабатывает новые номинации, новые способы передачи мысли, новые способы и средства выражения нового, иного отношения к миру, окружающей среде, событиям, людям... Разумеется, эти новые средства выражения складываются на базе уже имеющихся языковых средств.

Развитие цивилизации, технический прогресс тоже влияет на язык. Создаются новые технические средства передачи информации (в сфере массовой коммуникации), новые средства связи между индивидами (в сфере межличностной коммуникации). Все новые и новые технические средства связи, получившие развитие в XX веке: телеграф, телефон, радио, телевидение, компьютерные технологии, пейджеры... – оказали и продолжают оказывать существенное влияние на современные литературные языки. Это влияние выражается и в новых способах организации языковых единиц в тексте, и в актуализации определенных синтаксических категорий, фонетических явлений в речевой коммуникации, которая осуществляется в электронных СМИ, при использовании индивидуальных переговорных устройств. Как следствие технического прогресса возникают новые номинации, возрастает роль устной речи в языковой жизни общества (имеется в виду речь, звучащая по радио и телевидению).

В периоды напряженной социальной жизни, коренных, “крутых” (как сейчас говорят) перемен в жизни конкретного общества, его революционных преобразований, когда отвергаются, активно отрицаются прежние нормы жизни (социальные, политические, культурные, мо-

ральные, бытовые), в такие беспокойные эпохи происходят серьезные изменения и в языке, “обслуживающем” данное общество.

Именно такой период переживает последние 15–18 лет Россия. С начала – в условиях перестройки (в советское время), затем – в постсоветское время – после развала Советского Союза, крушения советской тоталитарной системы, в сложных, противоречивых условиях становления новой демократической системы. Как писал в 20-е годы выдающийся отечественный лингвист Е.Д. Поливанов, “почва для усиленного хода языковой... эволюции в революционный период самая благоприятная” (Поливанов, 1968, с. 190).

Во-вторых, исследуя изменения, которые происходят в русском языке с конца 80-х годов, рассуждая о них и в связи с ними о дальнейшей судьбе русского языка, принципиально важно учитывать одно фундаментальное обстоятельство: все эти изменения – при всем их разнообразии, при всей их масштабности – совершаются в контексте и на фоне устойчивой, стабильной языковой системы. Языковая система представляет собой исторически-сложившуюся совокупность лингвистических уровней (фонетика, грамматика, лексика). Эти уровни взаимно согласованы, соотнесены и четко, надежно взаимодействуют друг с другом в соответствии с внутренними закономерностями, которые вырабатываются, устанавливаются как результат длительной традиции существования данного языка. Языковой системе свойственна также строгая систематизация составляющих ее элементов: категорий, единиц, форм их выражения в каждом из лингвистических уровней (в фонетике, грамматике, лексике). Благодаря такой языковой системе – стабильной, имеющей строгую внутреннюю организацию, – и обеспечивается преемственность в использовании языка, в понимании текстов, фраз, созданных и создаваемых на данном языке многими следующими друг за другом поколениями носителей этого языка. Неслучайно замечательный русский педагог К.Д. Ушинский говорил: “Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живые и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое” (Ушинский, 1945, с. 206).

Итак, в языке различаются система категорий, единиц, форм, многоаспектных соотношений и взаимодействия элементов системы, правил их соединения. Сочетания (это, если так можно сказать, язык в статистике, в языковой системе заключены возможности выражения мысли) и речь как реализация заключенных в языковой системе возможностей выражения мысли в процессе речевого общения носителей данного

языка. Речевое общение – это язык в действии (в речи находит свое осуществление важнейшая, основная функция языка – коммуникативная). Речевое общение происходит в целях передачи информации, выражения носителями языка мысли, своих эмоций, своего отношения к действительности, для того чтобы сформулировать некие общие закономерности природы, общественной, духовной жизни...

В связи с подразделением языка на языковую систему и речь (это – общепринятое в современной лингвистике положение, выдвинутое и обоснованное Фердинандом де Соссюром в начале XX века), в связи с таким подходом к языку принципиальное значение имеет то обстоятельство, что изменения, наблюдаемые в русском языке современной эпохи, относятся к сфере речи, к сфере использования языковых средств в речевой коммуникации, в речевом общении носителей литературного языка.

Сам характер использования элементов языковой системы, языковых средств (умелого, искусного, разнообразно ли, точно и ясно передается информация или набор языковых средств однообразен, мысль выражается примитивно, фразы построены неумело, неясно, “коряво”, единицы языка применяются неточно, немотивированно...) зависит уже не от языковой системы (она остается стабильной, с ней, как говорится, все благополучно), а от людей, говорящих на данном языке, от уровня их общей культуры, интеллекта, степени образованности, эмоционального состояния, общественной настроенности, а также от того, стабильна ли, благоприятна ли социальная обстановка, в которой живут носители языка, или она – напряженная, острая, неблагоприятная. Говорят-то все “неправильные” слова, делают ошибки в произношении, ударении слов, строят безграмотно фразы, употребляют малопонятные слова или так называемую ненормативную лексику реальные люди-носители конкретного, русского (!), языка. И что особенно настораживает, так это уровень речевой культуры многих активных носителей русского литературного (нормированного!) языка. Имеются в виду политики, журналисты, в том числе радио- и тележурналисты, литераторы, артисты, ведь они выступают перед массовой аудиторией, “подавая” дурной пример “рядовым” носителям языка.

Поэтому при рассмотрении изменений в русском языке 90-х гг. XX – начала XXI в., в том числе и с точки зрения его дальнейшего развития, целесообразно в интересах точности, корректности научного анализа учитывать, что эти изменения происходят в сфере речевой коммуникации, речевого общения носителей языка, носителей

литературного языка, то есть в сфере речи, письменной и устной (а не в языковой системе, которая составляет фундамент языка, каждого языка в целом, базу, основу для использования языка в процессе речевого общения). Таким образом, обсуждая вопрос о состоянии русского языка, следует говорить о речи его носителей. Как справедливо подчеркивают современные лингвисты, “когда мы говорим о состоянии русского языка, мы говорим о состоянии говорящих на нем людей, о тех преобразованиях, которые происходят в речевом поведении носителей языка” (Караулов, 2000). “И не язык сегодня жалок и беспомощен, – с горечью говорит В.Г. Костомаров, – а мы – нерадивые его наследники, не способные оценить то, что имеем в своем распоряжении” (Костомаров, 1997).

В-третьих, в недрах литературного языка – этого важнейшего фактора упорядочения литературной речи – сложились механизмы отбора, селекции всех тех новаций, которые возникают, образуются в речи его носителей, и приспособления некоторых из них (тех, которые в том или ином отношении “нужны” для оптимального выражения мысли) к стилистической структуре, к лексико-фразеологическому, грамматическому, фонетическому строю литературного языка, включения их в фонд литературных, нормированных речевых средств.

Что касается русского литературного языка, то система его норм устроена таким образом, что в результате активного отношения ко всем “пришельцам” из народно-разговорного языка (из диалектов, жаргонов, просторечия), из других языков, ко всем явлениям в орфоэпии, в образовании форм и слов, в употреблении слов происходит отбор этих новаций с точки зрения целесообразности их “принятия” в литературный язык (скажем, отсутствие в литературном языке какой-то номинации, как, например, яппи, бомж, или новое слово выражает какой-нибудь смысловой оттенок, детализирует понятия, например, спонсор, занявшее свое место в традиционном синонимическом ряду меценат, филантроп, благотворитель).

Мы говорим об изменениях в литературной речи, потому что современные речевые новации: жаргонизмы, просторечная лексика, грубая инвективная лексика и фразеология (вплоть до матерной), активность варваризмов – фигурируют в текстах литературных, то есть в текстах по своему функциональному назначению ориентированных на литературные нормы. Имеются в виду газетные, журнальные, художественно-беллетристические тексты, тексты радио- и телепередач, устная публичная речь (главным образом выступления политиков), рекламные

тексты. Конечно, негативные явления, о которых говорилось выше, сложившиеся за последние годы, такие неблагоприятные для современной речевой коммуникации тенденции, как детабуизация грубых инвективных слов и выражений – частично обценной (матерной) лексики, и огрубление литературной речи (эти тенденции тесно связаны друг с другом), немотивированного включения в литературные тексты, с одной стороны, элементов жаргонной речи, с другой, – варваризмов, не может не вызывать серьезной озабоченности прежде всего в связи с расшатыванием литературных норм. Из-за постоянных массовых нарушений, отклонений от установившихся образцов, они становятся менее устойчивыми. Вызывает тревогу и состояние речевой культуры, больше всего культуры речи носителей литературного языка.

И неудовлетворительная речевая культура носителей литературного языка, и особенно расшатывание литературных норм – действительно явления крайне нежелательные, они требуют пристального внимания лингвистов и общественности, продуманной целенаправленной системы лингвистического воспитания носителей литературного языка, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать негативные тенденции в литературной речи.

Почему сложившаяся ситуация в современной литературной речи вызывает большую озабоченность?

Да потому, что назначение литературного языка – быть понятным всем. Эта основная функция литературного языка, которая и делает его “общепринятым, а потому и общепонятным”, как писал Л.В. Щерба (Щерба, 1957, с. 117). И литературные нормы вырабатываются и кодифицируются (то есть приобретают силу закона) с единственной целью: чтобы тексты, созданные и создаваемые на литературном языке, понимались всеми его носителями одинаково правильно, точно и без помех в понимании содержания этих текстов.

А употребление слов, непонятных большинству носителей литературного языка (будь то жаргонизм, или узкий специальный термин, или варваризм), употребление таких слов, неверно построенная, а значит – непонятная, фраза, не то слово во фразе – все это нарушает принцип целесообразного функционирования литературного языка, то есть такого его использования, при котором достигается максимум адекватного понимания литературных текстов.

Объективное исследование русского литературного языка рубежа XX–XXI вв. убеждает, что в нем происходят и продуктивные процессы языковой эволюции. Во-первых, продолжают обычные для

языковой эволюции процессы, например, образование новых слов по активным моделям словопроизводства, конденсация семантики языковых единиц, создание новых словосочетаний по сложившимся способам их организации, в частности, на основе “синтаксического стяжения” и т. п.

Во-вторых, процессы обновления речевых средств, особенно экспрессивных, так, получают развитие средства выражения (в том числе и экспрессивные) “от 1-го лица”, разнообразные способы интимизации, субъективизации речи, особенно при формулировании “собственного мнения” автором текста (“Речи прямые нынче в чести”, по словам известного поэта В. Корнилова).

В-третьих, из словарных “запасников” возвращаются те лексико-фразеологические пласты, которые не были созвучны общественным настроениям, идейно-политическим установкам и пристрастиям, актуальным, культивировавшимся в советское время. Так, возрастает частотность лексических единиц с семантикой добродетели (благодарительный, милосердный, меценат, филантроп и их производные), значительно расширяются контексты их употребления, частично возобновляется речевой этикет дореволюционной России, практически восстанавливается церковно-религиозная лексика и фразеология.

В-четвертых, советский политический “язык” и канцелярски-бюрократический речевой обиход советского времени “уходят” в пассивный запас словаря, частично переосмысляясь с отрицательной оценкой или в иронической тональности, военная лексика и фразеология, как правило, “освобождается” от переносно-метафорического приспособления к явлениям и понятиям гражданской жизни (подробнее об этих и других процессах см. Бельчиков, 2001, с. 52–75, 202–214, также в наст. изд. с.).

Оптимизм в поступательное движение русского литературного языка в XXI веке вселяет и такое знаменательное обстоятельство, как проявляющиеся последние 3–5 лет продуктивные тенденции стабилизации современной литературной речи. Эти тенденции находят свое выражение в процессах освоения литературным языком новых явлений, отбора и приспособления известной части речевых явлений к литературным нормам (об этом см. наст. изд. с.).

Исторический взгляд на русский литературный язык XIX–XX веков позволяет утверждать, что, во-первых, наплыв в литературный язык современной эпохи слов из жаргонов и просторечия есть проявление одной из основных линий развития русского литературного языка “от

Пушкина до наших дней”. Эта линия, эта тенденция развития русского языка характеризуется именно процессами сближения литературного языка – языка книжной культуры – с народно-разговорной речью. Элементы народно-разговорной речи (диалектизмы, жаргонизмы, просторечные единицы) в конечном итоге обогащают литературный язык новыми смысловыми оттенками, экспрессивными красками, развивается синонимия, фонд выразительных средств становится богаче, разнообразнее.

Во-вторых, русский литературный язык не раз переживал в своей истории “острые” моменты: и наплыв иностранных слов (в начале XVIII-го и первой трети XIX века), и влияние диалектной и жаргонной речи (во второй половине XIX века), и расшатывание литературных норм (в первые годы после Октябрьской революции), и увлечение диалектизмами (в 20 – начале 30-х годов XX века), и “две волны” жаргонизмов (в советское время), и пристрастие к “канцеляриту” (в 50–60-е годы XX века)... И что же? Литературный язык из перечисленных и аналогичных ситуаций выходит обновленным.

Отбросив ненужное, наносное: социально ограниченное, узкопровинциальное, низкого “пошиба”, лишнее (поскольку известный смысл уже имеет адекватное выражение), – он совершенствуется, прежде всего, в синонимическом отношении, вырастает словарь, углубляется стилистическая структура литературного языка...

В результате активного отношения литературного языка к новшествам, избирательной, селекционной “работы” механизмов внутреннего регулирования повседневной речевой практики, приспособляющих часть речевых новаций к стилистической структуре, к лексико-семантическому, грамматическому, фонетическому строю литературного языка (это присуще всякому этническому, национальному языковому образованию, а тем более такой в высшей степени организованной коммуникативно-функциональной системе, какой представляется литературный язык с его многовековой традицией исторического развития), а также в результате просветительской работы по лингвистическому воспитанию носителей литературного языка русский язык, как говорил М.В. Ломоносов, “в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится” (Ломоносов, 1898, с. 230).

Литература

Поливанов, 1968 – Поливанов, Е.Д. Избр. работы. Статьи по общему языкознанию, М., 1968.

Ушинский, 1945 – Ушинский К.Д. Избр. педагогические соч., М., 1945.

Караулов, 2000 – Караулов Ю.Н./Выступление на “круглом столе” “Русский язык в эфире” в Минпечати РФ//Независимая газета, 2.12.2000.

Костомаров, 1997 – Костомаров В.Г. Интервью в “Независимой газете”, 4.12.2000.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку, М., 1957.

Бельчиков, 2001 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история, М., 2001.

Ломоносов, 1898 – Ломоносов М.В. Сочинения, т. 4, ч. 1, СПб., 1898.

Чтобы быстрее и лучше понимать друг друга (Общезначительность литературных норм)³⁵

По-разному пишутся роман и научная статья, официальный отчет и частное письмо. Искусный оратор выступает перед студентами иначе, чем перед домашними хозяйками. Каждый из названных жанров имеет свои, специфические правила употребления языковых средств, принципов и способов их организации. И все же лирическое стихотворение и диссертацию по химии, пламенную речь трибуна, застольный тост и хроникальную заметку в газете при всем их различии объединяет одно: они написаны или сказаны в рамках литературного языка в соответствии с общими для всех и едиными нормами литературного языка.

Норма может рассматриваться как общий принцип организации изложения языкового материала в литературных текстах (т.е. в текстах, созданных в рамках литературного языка), как принцип построения таких текстов, организации и использования языковых средств в письменной и устной речи.

Такой общий принцип, названный Виноградовым “единой общенациональной нормой литературного выражения” (Виноградов, с. 252), для нашего литературного языка сложился и нашел убедительное воплощение в авторской практике Пушкина, в его сочинениях, или, как принято говорить, в языке Пушкина.

Русский литературный язык развивается в русле именно тех принципов организации языковых средств в литературных текстах, кото-

рые были определены Пушкиным и закреплены, утверждены в его авторской практике. Вот почему, кстати сказать, Пушкин считается основоположником современного русского литературного языка.

Под нормой понимается также и система правил, рекомендаций, образцов использования конкретных языковых единиц, а если быть точным – их вариантов, синонимов в типических контекстах и речевых ситуациях. В этом случае говорят о литературных нормах. Они регламентируют употребление языковых единиц в речевой коммуникации, требуя от носителя литературного языка четко соотносить стилистические особенности, смысловые и экспрессивные оттенки параллельных способов выражения с конкретным контекстом или речевой ситуацией. Так, можно сказать: Большинство мальчишек с удовольствием бегают на лыжах и ...бегают на лыжах. Однако второй вариант (глагол во множественном числе) предпочтительнее, если хотим подчеркнуть активность, самостоятельность действия субъекта, выраженного подлежащим. И действительно, мальчишки, как правило, любят кататься на лыжах. В использовании множественного числа глагола бегать нас “поддерживает” предложно-падежное сочетание с удовольствием, которое подчеркивает, что производители действия, т.е. мальчишки, бегают на лыжах с большим желанием, им это нравится. Таким образом, выбирая множественное число глагола-сказуемого в предложениях, в которых в составе подлежащего есть собирательные существительные большинство, меньшинство, ряд, часть и др., мы следуем принципу согласования сказуемого с подлежащим “по смыслу”. И литературные нормы допускают такое согласование, устанавливая целый ряд правил, оговаривая условия применения этого принципа. Однако норма же допускает и следование принципу грамматическому (в данном случае согласование глагола-сказуемого с существительным-подлежащим), т.е. глагол может быть и в единственном числе. В этом случае приведенная фраза будет иметь констатирующий характер, т.е. отмечать, что большинство мальчишек любит кататься на лыжах. Или возможны варианты: Мать с сыном гуляет и ...гуляют. В предложении Мать с сыном гуляют предполагается, что сын достаточно взрослый и не нуждается в помощи или в особом присмотре матери. А при глаголе в единственном числе (Мать с сыном гуляет) ситуация другая: сын – еще маленький ребенок, его надо или везти в коляске, или держать на руках, или вести за руку. И этот случай оговорен литературной нормой: в сочетаниях типа мать с сыном, брат с сестрой глагол-сказуемое в единственном числе указывает на известную пас-

сивность, несамостоятельность того субъекта действия, который выражен существительным в предложно-падежной форме. Множественное же число глагола говорит о паритетном участии субъектов действия в действии, указанном в сказуемом. Вот почему, видимо, всегда или почти всегда говорят: Петя с собакой гуляет, а вариант с гуляют приобретает иронический оттенок.

Литературные нормы фиксируются, регистрируются в толковых словарях, в академических грамматиках, в разного рода справочниках по произношению, ударению, управлению, в сводах правил правописания, в орфографических словарях и т.д. Это называется кодификацией норм. Между прочим, кодифицируются, т.е. получают силу закона, обязательности следования ему, только нормы литературного языка. Именно кодификация норм создает возможность требовать, чтобы они соблюдались и в письменной, и в устной речи, создает условия для их общеобязательности. И такие общественные институты, как пресса, радио и ТВ, театр, издательства призваны в своей деятельности строго следовать литературным нормам, а школа – прививать подрастающему поколению прочные навыки нормированной, литературной речи, учить своих учеников говорить и писать в соответствии с литературными нормами.

Литературные нормы устанавливаются с разными целями. С одной стороны, нормы отграничивают явления литературного языка от некодифицированной сферы национального языка – от диалектов, жаргонов и арго, от просторечия, ставя своего рода заслон против их немотивированного использования в литературных текстах, в устном речевом общении носителей литературного языка.

Между тем наличие строгих литературных норм вовсе не означает, что в литературных текстах, в служебных и неофициальных (домашних, дружеских) беседах нельзя прибегать к словам выражениям, к отдельным формам из внелитературной сферы литературного языка. Можно. При соблюдении определенных условий такая вольность становится достоинством письменного текста и тем более устной, особенно разговорной, речи. Важно, чтобы всякое отступление от нормы (вплоть до явной “грамматической. ошибки”, о которой писал Пушкин) – в устном ли выступлении в письменном ли тексте (в том числе и сочинении), в частной ли беседе всегда было как-либо мотивировано, оправдано. Оправдано темой, контекстом, желанием автора ярче, живее выразить свою мысль или его стремлением с той или иной целью воспроизвести, процитировать чужую речь. Причем эта мотивировка, в свою очередь,

должна быть ясна, очевидна для читателей, слушателей, для участников диалога. Иначе зачем же прибегать к внелитературным средствам?

Вот как вводит Лев Толстой в текст “Анны Карениной” глагол образуется в просторечном употреблении:

Степан Аркадьич уже был умыт и расчесан и собирался одеваться, когда Матвей <...> вернулся в комнату.

– Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают... – сказал он.

Степан Аркадьич помолчал. <...>

– А? Матвей? – сказал он, покачивая головой.

– Ничего, сударь, образуется, – сказал Матвей.

– Образуется?

– Так точно-с...

Это диалог из главы II первой части романа. В главе IV Толстой дает ограничительные пометы к этому слову, в то же время положительно оценивая его (устаами Стивы);

Степан Аркадьич мог бы быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что все образуется, по выражению Матвея... Матвей говорит: образуется, но как? Я не вижу даже возможности... А может быть, и образуется! Хорошо словечко: образуется, подумал он. Это надо рассказать.

Примечательно, что это слово из речи слуги Стивы Облонского – крепостного Матвея – вошло в речевой обиход интеллигенции конца XIX в. “Анна Каренина”, как известно, была напечатана в конце 70-х гг., а уже через каких-нибудь 18–20 лет в повести А.П. Чехова “Три года” (1895) это слово фигурирует как своего рода крылатое: “Пока это секрет, ничего не говорите там известной вам “особе”. Это, я думаю, само собой уладится, или, как говорит лакей у Толстого, образуется!” Для 20–30-х гг. XX в. такое употребление глагола образоваться (образуется) “Толковый словарь русского языка” под редакцией Д.Н. Ушакова квалифицирует как “разговорное”, т.е. ставшее достоянием литературного языка, его разговорной речи.

С другой стороны, среди литературных норм есть так называемые стилистические нормы: правила использования, рекомендации по предпочтительному употреблению лексических и грамматических синонимов, вариантов форм, синтаксических и интонационных конструкций, произношения, имеющих экспрессивные и смысловые оттенки. Эти

нормы сосуществуют внутри литературного языка. Л.В. Щерба говорил, что без таких норм “литературный язык становится шарманкой, не способной выражать какие-либо оттенки мысли” (Щерба, с. 277). Для каждого носителя литературного языка значимы различия между такими фразами, как Петр весел (настроение Петра сейчас) – Петр веселый (черта характера); Сын ушел из дома (только: ушел на время, по делам) – Сын ушел из дому (возможен вариант: стал жить отдельно от родителей); между формами избыточных глаголов брызгает и брызжет, полощет и полоскает, (кошка) мяукает – мяучит. Человека, не знающего стилистических норм или не умеющего пользоваться ими, слушать очень скучно – речь его однообразна и монотонна, лишена динамичности и экспрессии.

Литературные нормы имеют относительно постоянный характер. Есть определенный костяк норм, стабильных на протяжении известного периода. Это обусловлено самой природой литературного языка: он устанавливает общеобязательные правила, рекомендации относительно использования языковых единиц. В то же время литературный язык призван обеспечить преемственность культурной традиции в речи “отцов и детей” – старого и нового поколений, а также адекватное употребление и восприятие языковых единиц в повседневном речевом общении.

Нормы все же изменяются, изменяются постепенно, при сосуществовании традиционных и нарождающихся новых вариантов. Например, при современной краткой форме прилагательных на -ственный: -ен (естествен) еще употребительна форма на -енен (естественен); при несомненном преобладании “орфографизированного” варианта произношения окончаний прилагательных на -кий [ki], установившегося в 30-е гг., продолжает сохранять нормативную силу традиционное произношение [кь].

Исключительный интерес представляют наблюдения над употребительностью параллельных форм от поколения к поколению. Эта эволюция приводит к известной модификации, видоизменению соответствующих форм. Так, различаются по своему значению формы родительного падежа единственного числа на -а (-я) или на -у (-ю) некоторых существительных мужского рода. Форма на -у обозначает часть целого или некоторое количество (родительный частичный, или партитивный): килограмм сахару, луку, меду, песку, чашка чаю, рюмка коньяку... Но: производство сахара, грядка лука, плантация чая (родительный отношения). Наблюдения над речью разных поколений

показали неуклонное поступательное развитие формы чая: отмечается значительный рост этой формы у поколения, родившегося в 30-е гг., по сравнению со старшим поколением. И если в начале 40-х гг. четко отмечалось указанное семантическое разграничение форм на -а и на -у родительного падежа единственного числа существительных мужского рода (см., например, в “Практической стилистике языка газеты” К.И. Былинского (1941), то в 70-е гг. констатируется: в количественном (партитивном) значении родительного падежа письменной речи преобладает форма на -а (см. Граудина и др.). По существу, нет ни одного оттенка партитивного значения родительного падежа, куда бы не проникла форма на -а. Форма на -у стойко держится во фразеологических сочетаниях (дать жару, дать маху, напустить туману, не хватит пороху).

Постепенные изменения в нормах наблюдаются практически постоянно. Например: прилагательное заглавный имеет значение “относящийся к заглавию, содержащий заглавие, являющийся заглавием, названием чего-либо”. Заглавный рассказ – это рассказ, название которого вынесено в заглавие сборника рассказов какого-нибудь автора. Заглавный лист – страница книги, где напечатано ее название, заглавие. Заглавная партия – партия главного персонажа, по имени которого названа опера или оперетта (партия Бориса Годунова в опере М. Мусоргского “Борис Годунов” – заглавная).

В просторечии прилагательное заглавный может использоваться вместо прилагательного главный (в значениях “самый важный”, “основной”, “старший по положению”), это квалифицируется как отступление от литературной нормы. Например, воспроизведение такого употребления слова заглавный в романе М. Шолохова “Поднятая целина”. Кондрат Майданников разъясняет жене значение слова ударник:

– Вот, к примеру, у винтовки, есть боек, каким пистонку разбивают, – его то же самое зовут ударником. В винтовке эта штука – заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе ударник есть самая заглавная фигура, поняла?

Между тем отмеченное употребление прилагательного заглавный чаще и чаще начинает встречаться в публицистике, а также в художественной прозе и поэзии 60–70 гг. как заимствование из внелитературной сферы русского языка. Это делается прежде всего с целью усилить эмоциональность, экспрессию высказывания, рельефнее подчеркнуть мысль автора: в слове заглавный выявляется семантический оттенок

усиления степени признака, обозначенного основой слова. Например, в очерках: Поскольку единство формы и содержания – заглавное условие искусства, постольку и дело с мстеричами очень непросто. Их рисунок условен (В. Солоухин. Владимирские проселки); в художественной прозе: Эти же подробности теперь видишь как заглавное кольцо, от которого, цепляясь друг за друга, тянулись все последующие звенья большой и сложной цепи жизни Арсения (А. Ананьев. Годы без войны); в поэзии: Тот час, когда брел я с тобой над рекою, Горит в моей жизни заглавной строкою (Л. Озеров. Даты). Воспроизведенное здесь употребление прилагательного заглавный следует признать допустимым, так как это слово, используемое с определенным стилистическим заданием, относится к литературному просторечию.

Возможно также присутствие данного слова в художественной прозе как свойственное речи персонажа при воспроизведении несобственно – прямой речи или в авторской речи, когда передается восприятие действительности, присущее персонажу или жителям того города, сельской местности, о которой рассказывает писатель. Например: Костя вышел за воротца, закрыл их на замок и выбрался на заглавную улицу (В. Белов. Братья); Проводив заглавного гостя и побеседовав накоротке о чем-то с Жуликом, отец вернулся, накинул изнутри крючок и на цыпочках пробрался в горницу (М. Алексеев. Драчуны).

Отмечая такую “подвижку” (как сейчас говорят) в употреблении слова заглавный в контекстах современной публицистической и художественной прозы, все же следует признать, что остается нарушением литературной нормы немотивированное использование прилагательного заглавный вместо главный. Например, в одной из газетных статей, в которой шла речь, в частности, об исполнении Е. Нестеренко главной партии в опере “Волшебная флейта” Моцарта, читаем: “Мы неоднократно приглашали на заглавные (надо “главные”) партии Евгения Нестеренко, Елену Образцову...”

Как уже отмечалось современные литературные языки, в том числе и русский, избыточны на 60-70 % – т. е. их формальные и семантические возможности весьма богаты и разнообразны, чтобы избежать нежелательной нивелировки в выражении сложного мира современного человека. Нормативные установления единого языка, общего для всех членов данного национального коллектива, создают необходимый минимум, чтобы речь говорящего и пишущего была правильной, общепонятной, ясной, выразительной, чтобы мысль передавалась точно и адекватно.

Литература

Виноградов – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв., изд. 3, М., 1982.

Граудина и др. – Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи, М., 1976.

Культура русской речи и дебаты³⁶

Что такое культура речи? С.И. Ожегов – автор одноименного “Словаря русского языка”, один из основоположников учения о русской культуре речи – писал: “Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка... высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное” (Ожегов, 1974, с. 287–288).

Дебаты - один из жанров устной публичной речи (УПР), которая подразделяется на политическое, академическое красноречие и административно-судебную речь (под этой речью понимается в первую очередь судебная речь, т. е. речь адвоката, обвинителя в суде и т. д., а также устные тексты-доклады, отчеты, выступления, звучащие на разного рода заседаниях, совещаниях административно-хозяйственного характера). Парламентские дебаты, как очевидно, относятся к сфере политического красноречия, к устной политической речи, к политическому дискурсу.

Почему важно определить функционально-жанровую принадлежность дебатов при обсуждении вопроса о том, “что такое хорошо и что такое плохо” с точки зрения стилистического “качества” речи участников публичной дискуссии, дебатов, тех требований культуры речи, которым должна соответствовать речь участников дебатов?

Это принципиально важно определить потому, что на беду школьников, к неудобству и неудовольствию не очень грамотных людей, не обремененных хотя бы элементарным багажом общей культуры, но которым уж очень хочется “фигурять” на

публике, языковая жизнь общества устроена таким образом, что, наряду с ненормированной речевой стихией, существует строго-нормированная, образцовая (в понимании носителей конкретного языка) форма языкового выражения мыслей, эмоций, экспрессии носителей данного языка – литературный язык и что дебаты (в том числе и парламентские дебаты) – это та форма человеческой деятельности, которая находится в сфере действия литературного языка, “обслуживается” только литературным языком. Это не значит, что внелитературные, ненормированные элементы – диалектные, жаргонные слова и выражения, просторечие – не могут употребляться в УПР, в устных выступлениях на митинге, в парламенте, в суде, на научной конференции, на лекции или в ходе делового совещания. Они могут привлекаться в устные публичные тексты, как и в целом в литературный язык, но весьма ограничено, очень осмотрительно и, главное, взвешенно, строго мотивированно.

Отвечая на поставленный вопрос более конкретно, следует подчеркнуть, что в каждой из функциональных разновидностей литературного языка (об этом – дальше) и в речевых жанрах внутри этих разновидностей выработаны (в течение длительной речевой практики не одного поколения литературного языка) определенные способы выражения мысли, экспрессии, свои внутренние (стилевые, жанрово-речевые) нормы употребления языковых средств, наряду с общелитературными нормами, действующими на всем стилистическом “пространстве” литературного языка. И понятно, что установление функционально-речевого статуса дебатов, в том числе – и парламентских, существенно поможет действительному или потенциальному их участнику сориентироваться в общих принципах организации языковых средств в данном функционально-стилевом (речевом) жанре, в требованиях к качеству речи участников публичной дискуссии.

Литературный язык (если говорить о современных литературных языках) – одна из форм исторического, социокультурного существования национального языка (русского, французского, финского...), которая принята носителями конкретного языка за образцовую. Наряду с литературным языком, в системе национального языка, выделяются как формы его исторического, социокультурного существования территориальные диалекты, жаргоны, просторечие.

Особое положение литературного языка в системе национального языка определяется тем, что в нем сосредоточены, отобраны в течение длительного времени (для русского языка – с XI века) наиболее существенные черты, свойства национальной речевой культуры, оптимальные способы выражения мысли, чувств носителей национального языка, передачи информации, квинтэссенция идиоматики национального языка.

От других форм существования национального языка литературный язык отличается тем, что языковые средства, его составляющие (звуки речи, слова, фразеологические единицы, морфологические формы, синтаксические конструкции) отобраны из сосуществующих в языковой системе наличных элементов (параллельных вариантов) в качестве образцовых (в некоторых случаях взяты и параллельные варианты, например, варианты форм существительных муж. рода родит. падежа единственного числа на -а (-я) и -у (-ю), (народа – народу), предл. падежа единств. числа тех же существительных на -е и -у (в цехе – в цеху), так называемые избыточные глаголы, например: мяучит – мяукает, брызжет – брызгает и под.). Отобранные, таким образом, варианты являются нормами. Употребление их в рамках литературного языка определяют так называемые стилистические нормы.

Литературные нормы – и это принципиально важно – в отличие от норм диалектной и жаргонной речи

– а) обязательны для всех говорящих/пишущих на литературном языке (и для тех, кто претендует на это);

– б) они фиксируются в специальных изданиях (академическая грамматика, толковый словарь литературного языка, орфографический, орфоэпический словари и другие филологические справочники ортологического характера, свод правил правописания) именно как нормы, правила, обязательные для всех носителей литературного языка и во всех литературных текстах (т. е. в текстах, в которых соблюдаются, должны соблюдаться нормы литературного языка). Такая фиксация норм, имеющая силу закона (обязательности для носителей литературного языка) называется кодификацией. Этим нормам обучают в школе, они обязательны для печатной продукции, в электронных СМИ, для театра, эстрады, для лиц, выступающих публично (с лекциями, докладами, речами на митинге, в парламенте, суде...).

Требование абсолютного подчинения носителей литературного языка литературным нормам связано с тем, что, с одной стороны, главное назначение литературного языка: “быть всем понятным”, как писал

академик Л.В. Щерба. Это основная функция литературного языка “и делает его литературным, т. е. общепринятым, а потому и общепонятным” (Щерба, 1957, с. 117).

С другой стороны, тематика текстов, выполненных в соответствии с литературными нормами, – в отличие от устных текстов, говора и жаргона – практически не исчерпаема, поскольку литературный язык “обслуживает” все основные сферы человеческой жизни: культуру, науку, политику, законодательство, делопроизводство, словесное искусство, официальное общение, распространяется также на сферу неформального общения, т. е. на разговорную (литературную) речь.

Нормы же диалектной и жаргонной речи не кодифицируются, они “действуют” только в ограниченных рамках данного территориального диалекта (народного говора) или жаргона.

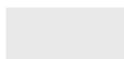
Таким образом, нормированный характер всех языковых средств и их употребления, система литературных норм, обязательных для всех, – один из фундаментальных признаков литературного языка. Так что, выступая в публичной дискуссии (в том числе – в парламентских дебатах), участвуя в ней как носитель литературного языка (а другого не дано, потому что дебаты – это всегда речь публичная, т. е. входящая в состав литературного языка), диспутант должен говорить [Г^вѣр’ит’], (а не [хѣвар’ит’]): нача́ть, заклю́чим, догово́р, позвони́шь, [в’еисна́], а не нача́ть, заклю’чим, до́говор, позвонишь, [в’еисна́], не “он поддатый”, а хотя бы “навеселе”. Категорически недопустимо прибегать к матерной лексике как целиком находящейся за рамками литературного языка.

И еще очень важная для нашей темы черта литературного языка: разветвленная поливалентная система стилей – функциональных разновидностей, вариантов, сложившихся внутри литературного языка.

раздел третий

Схематично деление современного русского языка на функциональные разновидности можно представить так

Офиц. деловой стиль	Книжная	речь	Администр. судебная речь
Научный стиль			Академич. красноречие
Публицистич. стиль			Политич. красноречие
Язык художественной литературы			Язык документ. кино
			Язык радио
			Телевизионная речь
Эпистолярный стиль	Разговорная речь		

Письменная
речь

Устная речь

Как видим, литературный язык делится прежде всего на две функционально-стилевые сферы: книжную речь и разговорную речь. Они тесно взаимосвязаны друг с другом и взаимодействуют, обеспечивая полноценное функционирование литературного языка как единой коммуникативной системы.

Книжная речь и разговорная речь осуществляются, реализуются как в письменной, так и в устной форме. Письменная форма разговорной речи крайне ограничена. Это частная переписка, так называемый эпистолярный стиль. Под воздействием все более развивающихся технических средств коммуникации сфера эпистолярного стиля в течение XX века серьезно сокращается по сравнению с его ролью в XIX веке. В рамках книжной речи в XX веке под влиянием электронных СМИ непрерывно возрастает удельный вес и функциональная значимость устной речи. Присущая речевой коммуникации XIX – начала XX века монополия письменной речи в течение XX столетия сменяется конкуренцией письменной и устной речи с постепенным преобладанием последней (В последние годы как следствие развития электронных средств связи в сфере межличностной коммуникации возрастает роль частной переписки, вообще неформального речевого общения в письменной форме через Интернет, электронную почту).

Главные отличия книжной речи от разговорной состоят в том, что книжная речь протекает

- а) в условиях официального общения, в официальной обстановке,
- б) в условиях групповой и массовой коммуникации,
- в) характеризуется как по преимуществу монологическая речь,
- г) не имеет конкретного адресата (ее адресат – социально обобщен),
- д) заранее подготавливаемая, неспонтанная.

Разговорная речь по преимуществу – устная, совершается

- а) в условиях неформального общения, т. е. предполагается большая степень непринужденности речевого и невербального (имеются в виду жесты, мимика, различные телодвижения и т. п.) поведения участников диалога,
- б) в условиях межличностной коммуникации,
- в) следовательно, имеет конкретного адресата,
- г) диалогическая,
- д) ситуативная,
- е) в силу двух предыдущих свойств – спонтанная, заранее не под-

готавливаемая (Последнее обстоятельство не означает, что, общаясь в рамках разговорной речи, можно говорить, не контролируя смысловое содержание и, главное, эмоционально-экспрессивного наполнения своих реплик, а также их стилистическую сторону, соблюдение норм, поскольку разговорная речь – часть литературного языка, и на нее распространяются литературные нормы).

С точки зрения функционально-жанрового деления устной речевой коммуникации носителей литературного языка дебаты занимают промежуточное положение.

С одной стороны, дебаты как разновидность публичной дискуссии предполагают прежде всего обмен репликами (в которых излагаются мнения участников дебатов) между двумя (или несколькими) оппонентами, т. е. происходит обмен репликами как это бывает в условиях межличностной коммуникации, совершающейся, однако, в официальных условиях. (Надо признать, что данная сфера речевого общения в аспектах теории речевой коммуникации и лингвистилистики изучена крайне недостаточно).

С другой стороны, публичная дискуссия проходит в условиях официальности, публичности, во многом – и для публики, аудитории, собравшейся послушать, слушать дебаты (парламентские дебаты предполагают по определению “больше двух участников”, присутствие активных слушателей – коллег-депутатов, готовых в любой момент включиться в дискуссию, а также приглашенных в зал заседаний журналистов и других “гостей”), т. е. публичная дискуссия ведется в официальной обстановке и в условиях групповой коммуникации (оратор и аудитория), когда реакция аудитории (на сказанное и предполагаемое, ожидаемое) обязательно учитывается участниками дебатов, влияет на них, особенно в психологическом, эмоциональном плане, на их поведении, в том числе и на речевое поведение.

Для чего эти предварительные соображения? Они важны, чтобы показать: дебаты – это не спор на кухне (что так любила интеллигенция во времена застоя), не беседа на завалинке, не перебранка в “поддатой” компании, не “громкий разговор” во время разборки между друзьями или обмен “любезностями” торговки на рынке.

Дебаты – жанр УПР, парламентские дебаты – жанр устной политической или академической речи. УПР – самостоятельная функциональная разновидность литературного языка в рамках книжной речи. Это означает, что речь участников дебатов подчиняется, во-первых,

литературным нормам; во-вторых, – требованиям официального общения в условиях групповой коммуникации.

Вместе с тем речь в рамках дебатов – речь устная, как и разговорная (литературная) речь. Однако в отличие от разговорной речи – спонтанной, заранее не подготовленной, речь участника публичной дискуссии – речь подготовленная. Подготовленная в том смысле, что диспутант а) знает заранее тему дискуссии, готовится “по этой теме”, б) ему известен оппонент и обычно его взгляды, позиция по вопросам дискуссии, выступления в печати, его политическая (или научная) ориентация, в) он продумывает основные положения, которые будет отстаивать, их аргументацию и контраргументацию предполагаемых, ожидаемых тезисов оппонента, г) нередко продумываются специальные реплики, вопросы, “неожиданные” для оппонента, и другие “домашние заготовки”.

С разговорной речью УПР роднит то, что, во-первых, фраза создается в процессе речи, окончательно формируется в процессе ее произнесения; во-вторых, – устный и диалогический характер многих жанров УПР, в том числе – дебатов. Ведь публичная дискуссия предполагает по определению обмен репликами. Пусть не столь динамичный, как в разговорной речи (в бытовом диалоге) – в силу монологического характера реплик (неслучайно дебаты, дискуссия, диспут, переговоры, деловая беседа квалифицируется как монолог в диалоге или полилог), – но от этого не менее эмоционально напряженный, чем обмен репликами в неформальном диалоге. В-третьих, сближает дебаты с разговорной речью элемент ситуативности, связанный с тем, что в ходе публичной дискуссии возникают ситуации, не предвиденные для ее участников или естественные в условиях всякого диалога, ответ на который, вернее – речевая форма ответной реплики определяется именно данной ситуацией.

Все это объясняет “присутствие” в устном тексте книжного характера, в репликах публичной дискуссии а) разговорных лексико-фразеологических единиц (они более естественны, более мотивированы в таких текстах (чем в письменной речи) конкретной речевой ситуацией дебатов), б) известных черт, присущих построению разговорной речи и обусловленных устной формой речи. Имеют в виду повторы, самоперебивы, смещение конструкции, использование синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи (об этих конструкциях см. Лаптева, 1976).

В большей степени, чем в письменных текстах, в речи диспутанта

(в силу устного характера дебатов) допустимы отдельные элементы народно-разговорной речи (как средство “оживить” устный текст, стилистически разнообразить его), т. е. находящиеся за рамками литературного языка отдельные слова и выражения, речевые обороты, грамматические формы и конструкции, произносительные варианты. Однако все это должно быть тщательно мотивировано, сказано, как говорится, “к месту”. Уместно напомнить ответ мудреца на вопрос юноши “можно ли пить вино?” в одном из стихотворений великого таджикского и персидского поэта Омара Хайяма: “... Можно, но надо знать когда, как, с кем и сколько... При соблюдении сих четырех условий, – заключает поэт, – Всем здравомыслящим вино разрешено”.

Итак, функциональный статус устных текстов, фигурирующих в публичной дискуссии, ясен. Эта сфера устной книжной речи, реализуемая в условиях групповой коммуникации – публичная дискуссия относится к устной публичной речи. Парламентская речь – область устного политического дискурса, предполагающего оптимально взвешенное взаимодействие в устных текстах интеллектуально-содержательных и экспрессивных (рациональных и эмоциональных) средств выражения. Такая организация языковых средств обусловлена определенными коммуникативными характеристиками, функционально-стилевыми рамками речевого жанра (подробную характеристику парламентской речи в аспектах стилистики и культуры речи см. в *Культура...*, 1994).

Статус речи, сложившейся в рамках публичной дискуссии, предполагает повышенную ответственность (vs. требовательность) и контроль участников дебатов за собственным речевым поведением в ходе дискуссии. Общие требования ясности речи, ее уместности, определенности собственных тезисов диспутанта, четкости и точности формулировок, употребления основных терминов, ключевых слов тезисов, мотивированности в использовании языковых средств остаются в силе и для дебатов, для оппонентов, ведущих дискуссию, спор.

Как уже ясно из предыдущего изложения, реплики оппонентов в ходе дебатов бывают двух видов: 1) реплика-вопрос оппоненту и реплика-ответ, ответная реакция на слова оппонента. Такие реплики обычно немногословны, они типологически сходны с аналогичными репликами неформального диалога; 2) реплики изъяснительного характера (монологические), пространные по содержанию и построению. Они занимают центральное место в “дебатном” диалоге, так как именно в них диспутант излагает свою позицию, исходные принципы, аргументирует свои мысли, точку зрения аргументированно (часто – детально) отвечает оппоненту, ставит ему вопрос нередко сопрово-

ждаемый развернутой аргументацией.

Поэтому в силу обязательности такого рода реплик – реплик монолического характера – в композиционно-речевой структуре дискуссии (тем более дискуссии политической, научной), их доминирующей конструктивной роли в дебатах к речи диспутантов вполне приложимы требования, предъявляемые к устному выступлению, особенно к речи убеждающей с акцентом на аргументацию тезисов оратора (и контртезисов – в ответе оппоненту), к их убедительности и обоснованности, ясности и яркой выразительности в изложении мысли.

Сказанное в самой большой степени относится к парламентским дебатам. В парламентской практике депутаты обычно выступают с “речью” – более или менее пространным монологом, на который следует реакция политических оппонентов: вопросы, а также возражения, представляющие собой тоже довольно пространный монолог.

Культура устной публичной речи, в том числе и устной политической речи, речи в ходе публичной дискуссии, предполагает заботу оратора, а также участника дебатов, об адресате речи (в условиях публичной дискуссии – как об оппоненте, так и об аудитории), о комфортности восприятия слушателями его слов, его текста (в условиях дискуссии – еще и уважение к оппоненту). В случае парламентских дебатов принципиальное значение имеет и установка участников дискуссии на такое обсуждение, которое имеет целью уяснить дискутируемый вопрос, выяснить действительное положение вещей, придти к конструктивному решению обсуждаемых проблем.

Все это предполагает присутствие у спорящих сторон высоких этических принципов и непредвзятого и широкого взгляда на обсуждаемый вопрос, допускающий возможность иного подхода и иных оценок.

Стилистика парламентских дебатов принципиально отличается, скажем, от речи митинговой. “На митинге, как правило, спор используется как средство сильного психологического воздействия, открытой словесной дуэли с оппонентом. В парламенте же ставится задача совместного уяснения какого-либо дискуссионного вопроса” (Культура..., 1994, с. 25). “Информативность и доказательность доводов в парламентском споре первостепенны” (там же), – подчеркивают авторы процитированной монографии.

Каждый оратор стремится к тому, чтобы его речь была воспринята адекватно тому смысловому и эмоционально-экспрессивному содержанию, которое он имеет в виду, подготавливая и произнося свой текст. Участник публичной дискуссии – конечно, оратор, который, хотя не-

посредственно обращается к своему оппоненту, всегда учитывает и присутствие аудитории. Его речь ориентирована на реакцию публики, на ее восприятие, понимание, принятие или неприятие ею того, о чем он говорит и – не менее существенно – как излагает свои мысли, доводы, как отвечает оппоненту, как вообще ведет спор...

По необходимости ограничимся самыми общими вопросами оптимальной организации монологических реплик, актуальными в аспектах культуры речи.

Прежде всего речь должна быть ясной. Фраза, последовательность фраз в тексте (в первую очередь в рамках абзаца) выстраиваются таким образом, что мысль, ее смысловые и экспрессивные оттенки получают естественное, гармоническое выражение, явственное, яркое, разнообразное по форме и убедительное. Такая речь воспринимается адресатом адекватно ее содержанию и замыслу оратора с первого предъявления. “Достоинство стиля, – говорил Аристотель, заключается в ясности” (Античные..., 1978, с. 129).

“Слово отражает мысль: непонятна мысль – непонятно и слово” – утверждает В.Г. Белинский. Поэтому главным условием, предпосылкой ясности речи является, с одной стороны, прекрасное, высокопрофессиональное владение предметом, темой обсуждения, глубокое продумывание вопроса, о котором нужно говорить. В связи со сказанным напомним, что писал известный русский адвокат П. Сергеич в книге “Искусство речи на суде: “Мысль, вполне сложившаяся в мозгу, легко находит себе точное выражение в словах; неопределенность выражений обыкновенное бывает признаком неясного мышления.

Мне попался где-то один афоризм Гладстона [У.Ю. Гладстон – политический деятель Великобритании, 2-ая половина XIX в.], – продолжает автор, – “старайтесь вполне переварить предмет и освоиться с ним; это подскажет вам нужные выражения во время произнесения речи. Только точное знание дает точность выражения. Послушайте, как говорит крестьянин о сельских работах, рыбак о море, ваятель о мраморе... О своей работе каждый будет говорить определенно и понятно” (Об ораторском..., 1973, с. 185).

С другой стороны, чрезвычайно важна глубокая убежденность оратора, в частности участника дебатов, в том, что и о чем он говорит, в чем стремится убедить своих слушателей, оппонента и публику. “Говори с убеждением, – советовал Гете, – слова и влияние придут сами собой”.

Для успешного и адекватного восприятия звучащей речи, устного выступления необходимо фразе придать удобовоспринимаемую фор-

му, способствующую легкому, быстрому пониманию сказанного.

В этих целях важно учитывать некоторые общие закономерности восприятия речи на слух – в первую очередь объем оперативной памяти слушающего. Оптимальный размер фразы в устном выступлении характеризуется средним количеством слов от 11 до 21 (см. Бельчиков, 1980, с. 28). Фразой в этом случае считается семантико-фонетическое единство, характеризуемое интонационной законченностью (фразой считается и придаточная часть сложного предложения); фраза состоит из фонетических слов – предельных единиц членения речевого потока (практически фонетическое слово совпадает с знаменательным словом во всех его словоформах). Наблюдения над лекциями определяют среднюю длину фразы в 14 фонетических слов (см. Бернштейн, 1977, с. 13).

21 слово – это максимум средних величин длины фразы. Он предполагает высокое мастерство в организации устной речи, языковых средств во фразе, в целом – в устном тексте. Видимо, целесообразно ориентироваться на фразу до 11 фонетических слов. Такой объем фразы максимально “удобен” для ее восприятия на слух (конечно, при соблюдении элементарных законов логики, строевых правил языка и литературных норм).

Средняя длина фразы вовсе не означает, что устный текст должен состоять из фраз, одинаковых или близких по количеству слов. В конце концов во фразе мысль должна получить исчерпывающее воплощение. Для полноты своего формирования и для адекватного восприятия она (мысль) должна быть вполне законченной по содержанию (и, естественно, логически полноценной) и иметь соответствующее завершенное стилистическое оформление. “Ведь ваш слух ждет, чтобы мысль, облекаясь в слова, превращалась в законченное целое”, – говорил Цицерон (цит. по: Об ораторском..., 1959, с. 46). Рациональное сочетание сравнительно коротких и более или менее длинных (в пределах средних величин) фраз создает соразмерность темпа речи. А это в свою очередь облегчает восприятие устного текста. Уже Аристотель отмечал: “Если стиль многословен или слишком сжат, он не ясен; очевидно, что требуется середина” (Об ораторском..., 1959, с. 33).

Смысловая ясность фразы, всего текста достигается и благодаря, с одной стороны, четкости, “прозрачности” синтаксической организации фразы, каждой фразы в тексте. В результате такого построения фразы для слушателя становятся очевидными ее логическая расчлененность, смысловые связи между словами, словосочетаниями, струк-

турными частями.

В выявлении и прояснении смысловых связей внутри фразы, ее смыслового, логического членения важнейшую роль играет интонация, интонационное членение фразы, интонационное акцентирование ее смысловых и экспрессивных доминант.

С другой стороны, первостепенное значение имеет тщательный, выверенный отбор лексико-фразеологических единиц, точный их выбор. Это очень актуально для политического дискурса, поскольку от верно найденного слова, от точного словоупотребления в ответственной, важной для оратора формулировке, в центральном, основном тезисе участника дебатов (вообще устного выступления) зависит точность и четкость, выразительная сила выдвигаемой политической идеи, лозунга, высказываемой мысли, ее важного оттенка.

Нельзя сбрасывать со счетов и убедительную, хорошо мотивированную, яркую экспрессивность устного выступления, реплик в ходе дебатов, в первую очередь реплик ответных, тем более тех, в которых содержатся контраргументы. Удачно подобранные экспрессымы, особенно – продуманные, взвешенные метафоры, метонимии, перифразы, эвфемизмы, крылатые слова, разнообразные приемы “языковой игры” повышают стилистическую выразительность устного текста, способствуя эмоциональному восприятию аудиторией смыслового содержания устного выступления, реплик участников публичной дискуссии (О речевых средствах и приемах усиления экспрессивной стороны реплик в ходе публичной дискуссии, парламентских дебатов см. Культура..., 1994; Баранов и др., 1991).

Каждому участнику дебатов необходимо твердо знать, что не все равно, как выразить свою мысль, свое эмоциональное отношение к обсуждаемому вопросу, к определенному событию, к личности (в том числе и к оппоненту), как построить фразу, с какой интонацией ее воспроизвести, какое слово выбрать для того, чтобы его (оратора) речь, реплика была максимально адекватно воспринята оппонентом и присутствующей публикой. А публика всегда с признательностью принимает искреннее стремление диспутанта быть понятым ею, ценит открытую позицию в дискуссии, высокое искусство спора.

Литература

Ожегов, 1974 – Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку.

М., 1957.

Лаптева, 1976 – Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Культура..., 1994 – Культура парламентской речи. Отв. редакторы Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М., 1994.

Об ораторском..., 1973 – Об ораторском искусстве. М., 1973.

Бельчиков, 1980 – Бельчиков Ю.А. Говорите просто и ясно. М., 1980.

Бернштейн, 1977 – Бернштейн С.И. Язык радио. М., 1977.

Об ораторском..., 1959 – Об ораторском искусстве. М., 1959.

Баранов и др., 1991 – Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Политические дебаты, советский политический язык: от риторики к метафоре. М., 1991.

Античные..., 1978 – Античные риторики. Изд-во МГУ, 1978.

Человек живет словами...^{36а}

Напрасно думают многие школьники, да и иные взрослые, что только в школе, “проходя” того или иного классика, нужно вслушиваться в слова персонажа, анализировать, как он строит фразы.

Вовсе нет! И в реальной жизни, встречаясь с друзьями, родственниками, коллегами, просто со случайными прохожими, мы невольно реагируем на то, что и, главное, как они говорят!

Согласитесь, вам будет не очень приятно, если просьбу пробить талончик пассажир сопроводит обращением: “Эй!”, “Эй вы”, “Эй вы, в очках, (с усами)!”. Вы расцените такое обращение как невежливость (вот вам и ошибка речи говорящего) и вряд ли с удовольствием выполните просьбу этого пассажира.

Употребление языковых средств, предпочтение определенных слов и синтаксических конструкций лингвисты называют речевым поведением говорящего/пишущего.

Речевое поведение – неотъемлемая часть поведения человека. Очень часто по манере говорить/писать, по тому, как человек строит фразу, какие слова предпочитает в разговоре с разными людьми или на письме, судят не только о речевой культуре говорящего/пишущего, но и об уровне его общей культуры, о его нравственных и деловых качествах. Даже можно составить известное представление о его социальном происхождении, степени образованности, роде занятий, из какой местности он родом.

Чем воспитаннее говорящий/пишущий, чем начитанней, чем выше его общая культура, тем больше его речь будет соответствовать литературным нормам, высоким требованиям культуры речи.

Какой психологический, даже культурно-психологический портрет вполне интеллигентного вида девушек можно составить, услышав их обсуждение вчерашней дискотеки: “А Витька-то, оказывается, вовсе и не лох. Он такой обалденный!..” – “Ну ты даешь, блин! Совсем охренела?! Кто прикольный мужик на вчерашней тусовке, так это ди-джей...”

Небрежная, нарочито грубая, приклатненная речь недвусмысленно говорит об их приземленном восприятии окружающих, о том, что они слепо и неразборчиво подражают современной языковой моде низкого пошиба. Нечего говорить и о внутреннем такте, душевной мягкости, о хорошем, тонком языковом вкусе.

Нередко довольно одного оброненного слова, неверно поставленного ударения, чтобы составить представление о культурном уровне человека, о его отношении к товарищам и коллегам.

Вы, наверное, замечали, что к строгому начальнику обычно обращаются, четко проговаривая его имя-отчество, слова “здравствуйте”, “пожалуйста”: “Здравствуйте, Павел Павлович! Скажите, пожалуйста...”. А к человеку доступному, доброму или пользующемуся уважением нередко обращаются, произнося его имя-отчество в редуцированном, сокращенном виде: Пал Палыч, Анна Ванна (помните, в стихах Агнии Барто дети, обращаясь к доброй, приветливой женщине-бригадиру на свиноферме, говорят: “Анна Ванна, наш отряд // Хочет видеть поросят” - при этом “здравствуйте” выговаривается как [здрас’те], а [пожалуйста] как [пъжалусть]).

Но за такой дружеской, мягкой фамильярностью чаще всего стоит признание окружающими душевных достоинств “адресата” речи, искреннее, сердечное к нему расположение. Замечательного ученого и прекрасного, доброго человека, вместе с тем взыскательнейшего учителя, профессора Александра Александровича Реформатского младшие коллеги и ученики называли “Сан Саныч”.

А вот иллюстрация из современной беллетристики – из “вполне романа” М. Арбатовой “Визит нестарой дамы”. Главная героиня, от имени которой ведется повествование, рассказывает об одном разговоре с женой любовника: “...Тут она берет трубку, я говорю, мол, с мужем договорилась, он согласен... Она говорит: “очень прекрасно”. Для меня было психолингвистической загадкой, как можно спать с

человеком, который говорит “очень прекрасно...” Обращает на себя внимание комментарий ответа по телефону: “очень прекрасно”. Через эту, достаточно неожиданную, реакцию главной героини на слова “очень прекрасно” автор емко и точно дает характеристику женщине, для которой такое словосочетание является нормой.

Они действительно свидетельствуют о ее скудном словарном запасе и весьма ограниченном образовательном цензе: “прекрасно” и есть в данном контексте “очень хорошо”; “очень прекрасно” – “очень-очень хорошо”. Таким образом, сочетание “очень прекрасно” – это тавтология, представляющая собой лексико-стилистическую ошибку. Достаточно сказать просто “прекрасно”.

Профессор С. И. Ожегов – автор знаменитого однотомного “Словаря русского языка” – называл грубые речевые ошибки, серьезные отступления от литературной нормы “лакмусовыми бумажками” речевой культуры. Они – безошибочные свидетельства низкого уровня культуры речи говорящего//пишущего. В наши дни такими “лакмусовыми бумажками” являются, например, “звонит”, “вылазит”, “свекла́”, “ложу́”, “облазит” (кожа от загара); “облѣгчить”, “опредѣлимся”, “заклю́чим”, “блин”, “иди ты”, “ну ты даешь”, “прикол”, “прикид”, “не подскажите”, “прикольный”, “отвалить”, “ташусь от тебя” и т. п. Так же как во времена Чехова подобными “лакмусовыми бумажками” были, к примеру, употребление “лакейского” “они” вместо “он”, “хочут” вместо “хотят” – вспомните крылатую фразу из чеховской “Свадьбы”: “Они хочут свою образованность показать”.

Писатели, люди особенно чуткие к языку, часто характеризуют своих персонажей или даже знакомых в мемуарах, давая оценку их манере говорить. Так, П. Павленко в романе “Счастье”, описывая “отвоевавшегося” чиновника Боярышникова, обращает внимание прежде всего на его манеру выражать мысль: “Мысль его не умела ветвиться придаточными предложениями, а была коротка, как палка”.

“Воропаев, – продолжает автор, – уже за одно это неумение пользоваться языком, за пренебрежение к густым, размашистым, разнообразно вьющимся фразам, которые так характерны для русской речи и составляют ее главную прелесть, бешено ненавидел Боярышникова”. М. Горький описывает как отличительную черту одного из своих современников его “блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи”: “Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество пословиц, поговорок, артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружал

ее... слушать его было наслаждением”.

Симптоматичны отзывы современников о манере говорить И. С. Тургенева: “...В самом звучании его фраз было нечто чарующее для слуха и для чувства; вы ощущали себя легко и свободно, как будто знали собеседника с детства... главным очарованием тургеневской речи было вызываемое ею полное доверие, свободное и естественное течение ясной и сильной мысли и, пожалуй, больше всего - полное отсутствие в его речи какого-либо усилия, стремления к блеску и эффекту.<...> Эти золотые изречения, не заключающие в себе ни одной громкой или вульгарной фразы, эти суждения, точные, правдивые и логичные, с неумолимым презрением клеймящие всякую ложь, даже в искусстве...” В этих отзывах в полной мере находит подтверждение тезис “стиль – это человек”.

Заметки о языке³⁷

“Соображение слов... должно быть обдуманное...”

...Лесник помолчал, поправил на плече старое охотничье ружье и спросил:
– Вы, говорят, вроде книги пишете?
– Да, пишу.
– Значит, соображение слов у вас должно быть обдуманное...
(К.Г. Паустовский. “Золотая роза”)

Писатели прошлого и наши современники – все единодушно с радостным убеждением отмечают предельную выразительность и образную точность русского языка, его необычайное богатство. “Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей”, – писал М. Горький.

Поэт В. Луговской, обращаясь к молодежи, говорил: “Русский язык предельно выразителен, ярок и дает возможность людям проникнуть в глубину философской мысли, в сущность истории, в душу искусства... точнее, энергичное применение слова свойственно всей русской речи, всей русской литературе”. В. Луговской останавливается лишь на одном примере из Гоголя: “Вспомнил, вспомнил! – закричал он в страшном весельи и, размахнувши топор, пустил им со всей силой в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь”. Послу-

шайте, как слово вбежал определяет страшную силу удара: казалось бы, странное слово для топора, а какую динамичность придает оно всей фразе”.

Н. Ассеев, восторженно отзываясь о поэтическом мастерстве Пушкина и Гоголя, называет их соловьями “русской разнообразной, удивительной по неожиданности сравнений и выражений речи”.

Однако все эти достоинства русского языка еще не означают, что выразительность и точность речи каждого из нас приходят сами собой. Только постоянное совершенствование культуры речи, внимательное изучение родного языка дадут положительный результат. Л.В. Щерба говорил: “Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что надо большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая кривотолков” (Щерба, 1974, с. 304).

Выбор слова точного, яркого, меткого, единственно возможного в данном контексте, в данной ситуации – дело далеко не простое. Оно требует от автора хорошего знания предмета разговора, глубокой убежденности, ясности и определенности идей. И, конечно, требует упорной работы над текстом. Еще в самом начале XIX века было высказано такое пожелание: “Желательно, чтобы все скорее вышли из заблуждения, будто все равно, то или другое слово, чтобы все уверились, что хорошо говорить и писать, значит хорошо рассуждать и мыслить – дело трудное и великое”.

Когда мы выбираем нужное слово, необходимо прежде всего сообразности смысловую точность. За этим особенно важно следить при переносно-метафорическом употреблении слов.

Обязательным условием смысловой ясности и точности высказывания, фразы является употребление слов в строгом соответствии с присущими им значениями, границами сочетаемости, стилистической характеристикой и сферой распространения. Все находки и удачи в поисках точного выражения обусловлены в конечном счете тем, что при использовании слова учитываются все его связи и опосредствования с другими словами, сложившиеся в языке и потенциально возможные.

1. Итак, необходимо всегда добиваться, чтобы слово использовалось в строгом соответствии с его значением. Л.Н. Толстой однажды пошутил: “Если бы я был царь, то издал закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог”. В этой шутке сказалось

серьезное, взыскательное отношение великого писателя к ясности и точности слова. Несомненно, наказания розгами не избежать автору театальной рецензии, допустившему такую фразу: “Исключением из амплуа артиста могут служить только два образа”, потому что амплуа – это характер ролей, исполняемых актером. Здесь же речь идет не о характере ролей, а о самих ролях, которые исполняет актер. Не везет и таким словам, как эффективный (дающий эффект) и эффектный (производящий впечатление).

Люди, не привыкшие следить за своей речью, весьма свободно обращаются со словами половина и середина, крайний и последний. Им ничего не стоит сказать: “Сейчас уже половина лета, а не было ни одного солнечного дня”, тогда как надо: “середина лета” или “прошла половина лета...”, “в первой половине лета”.

2. “Большая часть слов и значений слов, – подчеркивает академик В.В. Виноградов в книге “Русский язык”, – ограничена в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы” (Виноградов, 1947, с. 26).

Так, например, глагол звать, особенно со значением именовать, называть, может входить в сочетание только с существительными одушевленными. И нельзя сказать: “Пароход зовут “Орленок””. А прилагательное добротный сочетается в основном с существительными неодушевленными, обозначающими конкретные предметы. И поэтому не годится добротное начало, а надо: доброе начало. Спорным представляется такое употребление глагола обрасти: “Агроном должен обрасти активом”, поскольку дополнение, которое относится к обрасти, должно быть выражено существительным, обозначающим предметы конкретные, неодушевленные. Агроном может обрасти бородой, дом может обрасти пристройками и т. п. Достаточно не поставить какое-нибудь словцо, которое стало привычным спутником известного слова, и смысл искажен или нарушены нормы литературной речи. Например, в предложении “Завод-автомат включает десятки машин и механизмов” забыли поставить в себя рядом с глаголом включает и допустили грубую ошибку, потому что глагол включать сам по себе означает: “присоединять к системе действующих аппаратов и вносить, вводить куда-нибудь, присоединять к чему-нибудь”. В повседневной речи можно услышать: “Как ты чувствуешь?”. Следует всегда добавлять: себя.

В некоторых случаях надобность в таких спутниках отпадает. Корней Чуковский, представитель старшего поколения, писал в начале 60-

х годов: “Мы говорили: я переживаю горе или я переживаю радость”. А теперь большинство, особенно молодежь, говорит: Я переживаю (без дополнения). И нельзя сказать, что это неправильно, потому что в этом случае глагол переживать означает волноваться.

Иногда используют слово так, как принято в той или иной профессиональной среде, не заботясь о соблюдении литературных норм. Например, прямое дополнение при глаголе танцевать обычно выражается существительным, обозначающим танец или отрезок времени (танцевать вальс, танцевать весь вечер), поэтому ошибочно с точки зрения литературных норм сочетать этот глагол с существительным одушевленным (например: “В “Лебедином озере” Рябинкина танцует земную девушку”), хотя так и принято говорить в театральной среде (это норма профессиональной речи).

Значение и границы сочетаемости слова – явления, тесно связанные друг с другом. Когда отступают от требования употреблять слова в соответствии с их значением, нарушаются и сложившиеся связи данного слова с другими словами. Так, иногда приходится слышать: бутерброд с маслом, сатирическая карикатура, возобновляться вновь (спор вновь возобновился). Все эти сочетания составлены без учета значений слов: бутерброд (хлеб с маслом), карикатура (сатирический рисунок), возобновиться (начаться снова, сызнова), и этим словам приписаны не присущие им связи с другими словами. Эти словосочетания тавтологичны.

Очень важно вслушиваться в слова, улавливая тонкие смысловые оттенки, особенно слов родственных, однокоренных. В обиходно-бытовой речи, а также в речи публичной, в текстах электронных СМИ часто путают слова одеть–надеть, невежа–невежда, житель–жилец, абонементный–абонентский, жилой–жилищный, факт–фактор, требование и требовательность (нередко говорят: предъявлять требовательность. Это неправильно: Предъявляют требования).

А верно ли сказано: “Блестят иголочные кристаллы снежинок”? Если обратиться к толковому словарю русского языка, то он нам подскажет, что здесь вместо иголочный следует поставить игольчатый.

Впрочем, родственные слова, удачно или специально употребленные в одном предложении, повышают выразительность речи. Вот как использует такие слова А.Н. Толстой: “Эстетизм – это красивость, а не красота, любование, а не любовь, сердитость, а не гнев...”. Сравните в дневниковых записях Л.Н. Толстого: “Написал деловое и дельное письмо Валерьяну”.

3. Слово может быть употреблено в соответствии с присущим ему значением, однако если не будет учтена при этом стилистическая окраска слова, если оно будет стилистически неоднородным по отношению к другим словам фразы или текста, то возникает не предусмотренное автором “смешение стилей” или нежелательный комический эффект. “Труженики убойного цеха”, “воины купаются в реке”, “авиаторы пьют чай”. В этих предложениях не учтена стилистическая окраска подчеркнутых слов. Труженик, воин, авиатор – слова, относящиеся к так называемой “высокой” лексике, к которой прибегают с целью создать впечатление торжественности. Здесь же речь идет об обыденном, и такие “высокие” слова неуместны. Их без всякого ущерба для смысла можно заменить синонимами с “нейтральной” стилистической окраской: работники, солдат (или военный), летчики.

В речевом обиходе и в газетах чаще всего не везет именно “высоким” словам. И действительно, Петр Королев непременно возглавляет бригаду монтажников, а звено Гали Петровой возделывает картошку, туристы совершают поход, спортсмен завершает дистанцию, студенты на целине возводили дома из самана и т. п., как будто в русском языке нет более скромных слов для рассказа об обычных, рядовых событиях дня.

Вместе с тем нередко “разностильность” слов необходима для большей выразительности текста, и устранение различий в стилистической окраске слов может обеднить речь. Например, в “Реквиеме” Анна Ахматова пишет: И ненужным привеском болтался между тюрем своих Ленинград. Глагол болтаться выступает в значении “свисая или вися свободно, двигаться из стороны в сторону, качаться”. Слово это разговорное, фамильярное, распространено в обиходно-бытовой речи. Благодаря (разумеется, мотивированному) объединению такого глагола сниженной стилистической тональности и “приземленного” бытового конкретно-предметного ряда с лексемой Ленинград – топонимом, имеющим высокий статус и исторического, и политического, и культурного (в том числе – поэтического) символа – создается трагический образ великого города.

4. Наконец, выбирая слово, необходимо помнить, что не все слова общепонятны: есть и такие слова, которые распространены в какой-нибудь одной местности (диалектизмы) или среди людей одной профессии (профессионализмы), а также научные термины, известные лишь специалистам. Такого рода слова необходимо всегда разъяснять или так строить изложение, чтобы было ясно, о чем идет разговор. А лучше всего по возможности заменить их словами общепонятными.

Не всякий знает, что такое дедвейт судна, а что такое полная грузоподъемность (судна) – каждый поймет. Разумеется, среди терминов и профессионализмов есть такие слова, которые широко распространены и даже используются в переносном смысле. Против таких слов возражать нельзя, нужно только следить, чтобы они правильно употреблялись. В устной и письменной речи уже давно распространены в переносно-метафорическом значении слова из военной лексики (атаковать, бомбардировать, оккупировать, торпедировать, обстреливать, форсировать и т. п.). В 50–60-е годы получили широкое распространение в прямом и переносном значении слова из современной физической и ракетной терминологии. Так, И. Ильинский пишет о “цепной реакции острых слов и метких анекдотов”, поэты говорят о “цепной реакции мастерства”. Вполне закономерно появление таких сочетаний, как идеологическая радиация (чего-либо), экономическая орбита, траектория экономического развития. Но вот на месте ли широко распространенное слово почва: “Солдаты высадились на почву острова”? Это слово используется прежде всего как сельскохозяйственный термин; оно имеет и переносное значение – “основа чего-либо”. Здесь не подходит ни то, ни другое значение. Конечно, на всяком острове есть почва, однако в данном случае речь идет отнюдь не об угодьях, а о военной операции.

Стремясь правильно использовать слова, не надо становиться на пуританскую точку зрения. Дело в том, что русский язык, как и всякий другой язык, находится в постоянном развитии; особенно интенсивно пополняется и изменяется его лексический состав.

Работая над текстом публичного выступления или выступая перед аудиторией, необходимо учитывать состав слушателей, степень их подготовленности, нередко даже и их настроение. От характера аудитории во многом зависит и отбор определенной лексики, и строй речи оратора, в частности приемы использования специальной терминологии, вообще малопонятных слов. Поэтому могут быть соблюдены перечисленные условия правильного выбора слов, вообще речь оратора может быть грамотной и даже образной, но если оратор не учел особенностей аудитории, если забросал слушателей сложной терминологией или высокопарными словами, результат от такого выступления будет минимальным.

Еще А.С. Пушкин выдвинул принцип “соразмерности и сообразности” в использовании речевых средств. В первую очередь, это относится к словам. Слово оценивается всегда в тесной связи с контекстом, содержанием, с задачами текста (письменного и/или устного). Неудач-

ное, неуместное в одном случае, оно вполне может удовлетворить взыскательного читателя или слушателя в другом контексте, в иной ситуации. Уместно напомнить высказывание А.А. Фадеева: “Перед нами огромный океан, – говорил он, – ...но при отборе из этого океана слов должно быть чувство меры, необходим вкус. Все к месту хорошо, но найти это место – вот в чем труд”.

Всякому, кто серьезно относится к своей речи, кто стремится наиболее точно и ярко передать свои мысли другим, понятны “муки слова”, неустанные поиски единственно верного, нужного слова.

Литература

Щерба, 1974 – Щерба Л.В. Предисловие (к Русско-французскому словарю)//Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Виноградов, 1947 – Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.

А́томный – ато́мный³⁸

В связи с неизмеримо возросшей в послевоенные годы актуальностью проблем атомной физики и техники (эти проблемы приобрели в начале 60-х годов первостепенное общественное и политическое значение) получили широчайшее распространение слова атом, атомный, появились новые слова атомщик, атомоход.

В среде специалистов еще сохранилось произношение ато́мный в соответствии со старинным ударением в существительном – ато́м. Это ударение отмечается некоторыми лексиконами первой половины XVIII в., например “Немецко-латинским и русским лексиконом” Вейсманна (1731).

В общелитературном же речевом обиходе слово атом произносится с ударением на а (а́том). Такое ударение отмечает уже Словарь Академии Российской (1806). В.И. Даль в своем “Толковом словаре” тоже дает ударение на а (а́том). Оно сохранилось как норма литературной речи и в настоящее время.

Если относительно ударения в слове атом у современных лексикографов нет двух мнений: все признают нормативным ударение на а́*, то относительно ударения в прилагательном атомный в течение 50-х годов шли споры: а́томный и ато́мный.

“Толковый словарь русского языка”, под ред. Д.Н. Ушакова, отра-

живший речевую практику 30-х годов, настаивает на нормативности произношения слова ато́мный с ударением на о. Но уже к 40-м годам слово атомный, видимо, все чаще и чаще произносилось с ударением на а (а́томный). С конца 40-х годов такое ударение в слове атомный (а́томный) общепризнано, хотя некоторые орфоэписты признают наряду с этим ударением и ударение на о (ато́мный). Так в первом томе академического семнадцатитомного “Словаря современного русского литературного языка” (1950) отмечаются как равносильные ударения на а и ударение на о (а́томный и ато́мный). В первом издании “Словаря русского языка” С.И. Ожегова (Сл. Ож.) (1949) тоже даются как равноправные два варианта (а́томный).

Но уже в 1955 г. в опыте словаря-справочника “Русское литературное произношение и ударение” ударение на о (ато́мный) ограничивается рамками терминологического сочетания ато́мный вес. Это же подтверждается и во втором издании орфоэпического словаря-справочника (1959): а́томная бомба, а́томная электростанция, но: ато́мный вес и ато́мный объем.

Ударение на а в слове а́томный как единственную возможность предлагает “Словарь ударений” (1950) под ред. К.И. Былинского. В издании 1952 г. Сл. Ож. и “Словарь русского языка”, под ред. А.П. Евгеньевой (т. 1, 1957) тоже предлагают один вариант ударения на а (а́томный).

Таким образом, узаконено ударение на а (а́томный) как единственная возможность правильного произношения слова. Эта норма отвечает потребностям современного речевого общения, она соответствует общей тенденции в сторону “разговорности”, наблюдающейся в развитии современной литературной речи.

Рассмотрим подробнее причины и обстоятельства, приведшие к победе варианта произношения слова а́томный с ударением на а.

Ударение на о (ато́мный) обусловлено старинным ударением слова атом – ато́м (прилагательное атомный относится к тем прилагательным, которые сохраняют ударение производящей основы). Ударение на о могло сохраниться, видимо, в силу того, что вплоть до 40-х годов XX в. слово принадлежало к узкой сфере специальной терминологии.

Ударение на а в слове атомный, получившее широкое распространение и ставшее нормой, определяется тем же правилом, что и ударение на о.

Но что же содействовало тому, что в речевой практике закрепился и стал нормой вариант произношения слова атомный с ударением на

а?

Во-первых, как нам представляется, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что слово атом в общелитературном обиходе имеет давнюю традицию произношения с ударением на а.

Другое обстоятельство, решившее окончательно вопрос об ударении в прилагательном атомный, – это широкое распространение и актуальность данного слова в 50–60-е годы.

Если еще в 30-х гг. XX в. прилагательное атомный функционировало лишь в составе физико-химических терминов (атомный вес, атомный объем), то в послевоенное время расширяются с нарастающей интенсивностью фразеологические связи этого слова. Оно все шире сочетается со словами, обозначающими явления и понятия из области производства, техники и военного дела: атомная техника, атомное производство, атомная энергетика, атомный ледокол, атомная электростанция, атомное оружие, атомное вооружение, атомная бомба, атомная пушка, атомная артиллерия, атомный снаряд, атомный заряд, атомное нападение и т. п.

С конца 40-х годов слово атомный не сходит со страниц газет и журналов, звучит в радиопередачах, оно приобрело широчайшее распространение. Это слово используется и в контекстах публицистического характера. Прилагательное атомный сочетается со словами из общественно-политической лексики, такими, как война, политика, дипломатия, стратегия, пропаганда, век. Кроме того, в рамках публицистического стиля оно стало сочетаться со словами, наделенными экспрессией: атомная угроза, атомная катастрофа, атомный психоз, атомный шантаж и т. п.

Широкое распространение приведенных и других словосочетаний со словом атомный в прессе, в официальных документах, в повседневной бытовой речи, несомненно, способствовало тому, что слово это стало произноситься с ударением на а. Ведь на многих представленных словосочетаниях лежит печать “разговорности”. Действительно, что означает словосочетание атомная война? Оно используется вместо описательного оборота “война с применением атомного оружия”. А атомный ледокол? – “Ледокол, двигателем которого является атомный реактор”. Атомный шантаж – “запугивание народов атомной войной, атомной бомбой” и т. п.

Наконец, можно назвать еще одно дополнительное обстоятельство – появление производных от атом – атомщик, атомник (с уда-

рением на а).

Приведенные наблюдения позволяют сделать интересный вывод относительно того, как установилось нормативное ударение в слове атомный. Перед нами результат взаимодействия разнородных процессов и явлений: общее правило, по которому у определенных прилагательных сохраняется ударение производящей основы; связанное с этим следование традиционному ударению в слове атом; широкое распространение и актуальность прилагательного атомный, значительное расширение фразеологических связей этого слова в неспециальных контекстах, в частности в контекстах публицистического характера.

Примечания

* В “Русском литературном ударении и произношении” под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (изд. 1, 1955; изд. 2, 1959) это специально оговаривается: “атом (не атом)”.

Разговор, услышанный на пляже³⁹

Со всех концов стекаются на отдых в Крым, к теплому Черному морю, сотни, тысячи людей. Рядом с певучей украинской речью на курорте звучит русская. Слышится мягкое “оканье” выходцев из южных областей России, и твердый раскатистый говорок волжан, и протяжный говор вятичей, и неторопливый разговор сибиряков. Но как ни разнообразна по звучанию речь жителей разных уголков России, всем говорящим по-русски необходимо знать законы и правила литературного языка и их придерживаться.

Русский литературный язык – язык народа, обработанный мастерами слова – писателями, публицистами, общественными деятелями. Он впитал собранные на протяжении многих веков сокровища народной речи, самые выразительные и точные слова и обороты, синтаксические конструкции, при помощи которых можно передать тончайшие оттенки мысли и чувства. Русский литературный язык – наше достояние и гордость, богатство, которое надо бережно хранить и умножать.

К сожалению, пока еще довольно часто встречаются ошибки и неправомерности в повседневной речи. Рассмотрим некоторые из них.

Прислушаемся к разговорам курортников...

“Ложи вещи аккуратней”

Пляж просыпается рано. Приходят сюда компаниями, семьями. То

тут, то там слышны реплики:

– С часами в море не входи!

– Вещи складывай аккуратно. Не ложи так брюки, они могут измяться.

– Нам бы тень найти...

В потоке отдельных фраз, реплик обращает на себя внимание слово “ложи”. Глагол “ложить” давно бытует в разговорной речи, засоряя ее. В последнее время он встречается все чаще и чаще. Слово это не принадлежит литературному языку. Ведь есть глаголы “положить” и “класть”. Они вполне выражают соответствующие действия. Слово же “ложить” ничего дополнительного в своем значении не заключает, без него можно легко обойтись.

Нам могут возразить: ведь есть же глагол “ложиться”. Совершенно справедливо! Но дело в том, что в русском литературном языке далеко не все глаголы с окончанием “ся” имеют соотносительное слово без этого окончания. К их числу относится и “ложиться”.

“Я обратно обгорела”

Народу на пляже все больше. Возле массивного камня расположилась пестрая стайка девушек. Одни уже основательно загорели, другие только что, видимо, приехали и не успели приобщиться к племени “краснокожих”.

– Ну как доехали, девочки?

– Нормально! На “ТУ” летели – просто прелесть! А вы как здесь?

– А мы все время на солнце сидим да в море купаемся. Вот у меня обратно кожа лезет...

С конца 50-х годов довольно часто приходится слышать это странное употребление слова “обратно”. “Обратно дождь пошел”, “Обратно на работу опоздал”, “Обратно обгорела на солнце” и т. п. Казалось бы, естественнее вместо “обратно” в подобных случаях сказать “опять” или “снова”, потому что эти два слова обозначают повторение действия (и, действительно: дождь снова пошел, некто опять опоздал на работу и т. д.). А наречие “обратно” связано с движением вспять, с возвращением (автобус пошел обратно, т. е. в обратную сторону, пароход повернул обратно в родной порт и т. п.).

Крайний или последний?

С пляжа мы поднялись в живописный парк. Проходим мимо павильона, в котором продают фрукты. Шумные курортники обсуждают достоинства слив и яблок, дают друг другу советы насчет загара. К очереди подходит гражданин:

– Вы последняя?

Дородная дама сердито ворчит:

– Поищите последнюю там, откуда приехали, а здесь последних нет. Я – крайняя.

О словах “последний” и “крайний” уже неоднократно писали. Однако здесь, в Крыму, так часто слышишь “крайний” вместо “последний”, что приходится еще раз напомнить: в слове “последний”, когда им называют человека, стоящего в очереди за продуктами, билетами и т. п., ничего обидного нет. Это слово очень точно определяет место человека, за которым можно занять очередь. Другое дело быть последним в соревновании или “последним человеком” по своим моральным качествам.

***

Можно указать и еще немало погрешностей, встречающихся в повседневной речи. Так, например, вместо слов “вылезать”, “залезать” нередко пользуются глаголами “вылазить” и “залазить”, которых нет в литературном языке. Часто путают предлоги и вместо “он сказал обо мне”, говорят “он сказал на меня” или вместо “я в него кидала камешками” – “я на него кидала камешками” и т. п. Мы обратили внимание читателей на те ошибки, которые довольно часто встречаются в повседневной речи и которых легко избежать, если только следить за собой, за своей манерой говорить.

Всегда ли уместно “являться”?⁴⁰

Есть два глагола: явиться – совершенного вида и являться – несовершенного вида. Они имеют соотносительное значение, кроме одного: “быть кем-, чем-либо, представлять собой кого-, что-либо”, присущего только вспомогательному (в данном случае) глаголу являться. В такой функции глагол являться выступает весьма и весьма часто. Он повсюду – на страницах газет, популярных брошюр, в радио- и телепередачах, в публичных выступлениях.

Но зачем, спрашивается, писать: создание комплексных бригад является одной из прогрессивных форм организации труда, если

можно ту же мысль выразить динамичнее и точнее: комплексная бригада – одна из прогрессивных форм организации труда? Вместо этими требованиями являются... напишем: Вот эти требования... Ср.: Основными показателями этого раздела являются задания по механизации и автоматизации производства... – Основные показатели этого раздела – задания по...

Глагол являться относится к книжной речи, он распространен в деловых бумагах и совсем не уместен в разговорной речи. Нелепо выглядит фраза: Оля является моей подругой.

Нередко встречаются и смысловые ошибки, связанные с употреблением этого глагола. Например: Это приводит к тому, что для окружающих Петров является трусом. Поскольку слово являться в значении быть кем-, чем-либо, представлять собой кого-, чего-либо предполагает нечто установившееся, статичное, то здесь уместен глагол стать/становиться. Одним из уроков прошедшей спартакиады является то, что следует омолодить команды. Вместо являться – нужно поставить состоит в том.

В значении “оказаться, стать” глагол являться (и явиться) выступает как вспомогательный глагол. Например: Известие, что пришли тракторы, явилось для всех большой радостью. Однако не всегда это его значение проявляется достаточно четко. В таких случаях лучше заменить это слово другим. Например: Применение электроэнергии явится (ср. станет) основой автоматизации производства; Результатом технической революции явится (ср. станет, будет) техника будущего. А в этом тексте неясно, в каком из двух упомянутых значений выступает глагол являться: Тележка-прилавок отличается тем, что является соединением транспортных средств и прилавка – рабочего места для торговца книгами.

Глагол являться (явиться) имеет еще и такие значения: “приходить куда-нибудь, по какой-нибудь официальной надобности” – являться на суд; “приходить, оказываться где-нибудь” – являться домой поздно; “возникать, начинаться” – через час явилась возможность уехать. В этих значениях глагол являться (явиться) используется сравнительно редко. Встречаются случаи неправильного употребления глагола являться, когда вместо одного из двух значений выступает какое-нибудь из только что перечисленных. В таком, например, предложении, как: Нашим представителем на соревновании явится Степанов – двойная ошибка. Здесь дано будущее время от являться, но у глаголов совершенного вида такой формы нет. И вместо значения быть кем-, чем-либо

представлено значение оказаться, стать.

“В отпуск-е” или в “отпуск-у”⁴¹

Следуя образцовой литературной речи надо говорить и писать: в отпуске, хотя в современной разговорной речи широко распространено в отпуску, и даже в художественной литературе стало встречаться это в отпуску, правда, преимущественно в тех случаях, когда воспроизводится или передается речь персонажей.

Требование литературной нормы (в отпуске) связано прежде всего с тем, что за окончанием предложного падежа (-у) слов мужского рода в литературной речи закреплена функция обозначать какое-либо конкретное место или определенное время, а также “образ действия”: в лесу, на полу, на мосту, на борту; в прошлом году, в седьмом часу; на бегу, на лету (во всех этих и подобных случаях мы видим предлог в или на).

Как очевидно, ни одно из перечисленных “значений” формы на (-у) не подходит к выражению “в отпуске”.

Нужно сказать, что окончание (-е) тоже может использоваться при обозначении места, и в отдельных случаях это соответствует действующим нормам литературной речи. Ср.: в грунте – в грунту, на холоде – на холоду, в чае – в чаю, т. е. в литературной речи недопустимы формы: в грунту, на холоду, в чаю (употребительны в просторечии).⁴²

Справедливости ради надо сказать, что не всегда форма на (-у) (при наличии варианта с окончанием (-е) при обозначении места остается за рамками литературной речи. К примеру, в настоящее время уже нельзя категорически возражать против “в аэропорту” как нарушения литературой нормы, поскольку так говорят, вернее, до недавнего времени говорили только летчики и персонал аэродромов и аэровокзалов. “В аэропорту” все больше и больше вытесняет литературный вариант “в аэропорте” в связи с широким развитием за последние годы гражданской авиации. Именно вследствие этого “профессиональный” вариант завоевывает права гражданства в литературной речи. Видимо, здесь влияет и предложно-именное сочетание в порту, считающееся литературным.

Наблюдательный читатель заметит, что слова с окончанием (-у) в предложном падеже (за единичными исключениями), допустимые в литературной речи, имеют одну особенность. Все они односложные: лес, мост (стоять на мосту), рост, борт, год, час, чай, бег, ход, лет и т.

п. И в тех случаях, когда “законными” с точки зрения литературной речи признаются оба варианта (эти варианты обычно различаются по смыслу), мы имеем дело со словами односложными. Например: в жиру – в жире, в поте – в поту (лицо в поту – работать в поте лица), в роду – в роде, в быту – в быте, в ходу – в ходе, в дыму – в дыме, на доме – на дому и т. д.

Неприятность для литературной речи, а чаще всего и неупотребительность формы на (-у) в предложном падеже слов мужского рода с большим количеством слогов может быть объяснена тем обстоятельством, что окончание (-у) всегда под ударением. Для слов же с неподвижным ударением такая перестановка ударения не приемлема. Вот почему мы говорим: в (прошлом) месяце, в амбаре, на базаре, на вокзале, на холоде, на востате (на востату в литературной речи возможно лишь в составе пословицы “брань на востату не виснет”).

Собака кусается...⁴³

Борис Заходер в одном из стихотворений для детей спрашивает:

Собака кусается.

Что же, не беда.

Тогда почему же собака,

Хотя и кусается, но никогда

Себя не кусает однако!?

Аналогичные вопросы напрашиваются, когда встречаешься с невнимательным отношением к возвратным глаголам – к глаголам с частицей ся.

Действительно, прав ли автор популярной брошюры о вредителях, когда пишет: “После проведения дезинсекции убитые насекомые собираются с соблюдением мер предосторожности”. Здесь явная неточность “Убитых насекомых собирают с соблюдением мер предосторожности”. Частица ся внесла двусмысленность, поскольку есть глагол собираться, который обозначает действие, совершаемое живыми существами. (Ср. аналогичный случай: “Мелкие животные и птицы записываются в акте общим числом”). Этот глагол может быть использован и при олицетворении, когда предметам (неживым и живым) приписываются свойства человека. Данный контекст олицетворение исключает. Здесь речь идет о том, что насекомых кто-то собирает. Кстати, достаточно было указать, что насекомые кем-то собираются, как двусмысленность была бы устранена. Нередко двусмысленность возникает из-за

нечеткости значения слова: “На обложке журнала помещается снимок бригадира”. Неясно, то ли этот снимок помещен на обложке журнала, то ли размеры снимка и обложка таковы, что он целиком поместится на обложке. Вот еще случай ошибочного использования возвратного глагола: “На фото показываются два передовых рабочих”. Показываться – это значит появляться и исчезать (или исчезнуть). Здесь же речь идет о том, что на фотографии изображено двое рабочих, они показаны. В приведенных примерах, наряду с лексическими, перепутаны грамматические значения. Во всех наших примерах пассивное действие заменено активным, тогда как речь шла во всех случаях о том, что различные предметы (неживые и живые) испытывают на себе действие. Свойство глаголов на ся обозначать различное направление действия (сам ли предмет действует или на него направлено действие) и служит почвой для ошибок вроде приведенных нами.

Отметим один стилистический недочет, возникающий при использовании этими глаголами. Скопление их в одной фразе или в одном абзаце создает нежелательное однообразие текста: “Навоз и торф укладываются..., пересыпаются, трамбуются. Каждая тонна удобрений используется рационально”. “Прокладываются магистрали, строятся предприятия, иными становятся колхозы, они укрупнились, обстроились, все лучше оснащаются техникой, электрифицируются, укрепляются кадрами”.

Есть или кушать?

Глаголы есть и кушать – синонимы. Как синонимы они выступают с значением “принимать пищу, употреблять в пищу”. Эти слова относятся к так называемым стилистическим синонимам. Есть и кушать различаются стилистически, их употребление (прежде всего глагола кушать) регулируется определенными ситуациями речевого общения.

Глагол есть употребляется в литературной речи (в том числе и в современной) несравненно шире своего синонима. Во-первых, есть – основное слово, семантическая доминанта в синонимическом ряду, обозначающем процесс еды: есть–вкушать–питаться–насыщаться–кушать–уплетать–лопать–жрать–шамать–штефкать (этот ряд можно продолжить). Во-вторых, есть – нейтральное в экспрессивном отношении слово, общеупотребительное.

Глагол же кушать стилистически ограничен в своем употреблении прежде всего как слово, относящееся к речевому этикету: вежливое

приглашение гостя, гостей к столу. В этой ситуации используют инфинитив (кушать) – в составе этикетных формул “кушать подано” (устар.), “прошу к столу”, или в повелительном наклонении – в составе другой формулы “кушайте, пожалуйста”.

Затем кушать (равно как и глаголы покушать, скушать) может фигурировать в обращении к детям: Ты кушал (покушал)? Хочешь кушать (покушать)? Скушай вот это. Покушай (скушай) что-нибудь и т. п. Так же принято обращаться и к женщинам (разумеется, на “вы” или на “ты” в зависимости от обстоятельств и ситуации общения). С аналогичными вопросами и советами (кроме ситуации приглашения к столу или начать трапезу), к мужчинам обычно не обращаются. В таких ситуациях кушать заменяют на есть.

Употребление кушать в 1-м лице единственного числа настоящего времени (я кушаю) или в прошедшем времени (я кушал) допустимо только в речи детей и женщин.

Использование глагола кушать в речи мужчин о себе (хочу кушать, я кушаю, я (не) кушал), а также когда мужчина или женщина говорит от имени четы или семьи: мы (уже) кушали (покушали), мы (не) хотим кушать и т. п., противоречит стилистической норме современного литературного языка, придает речи манерность, некоторую слащавость, квалифицируется как проявление жеманства в речи. Из других проявлений речевого жеманства назовем, например, нарушающее принятую литературную норму употребление слов супруг, супруга во фразах, начинающихся словами: мы с супругой (супругом), я и моя (мой) супруга (супруг), мой (моя) супруг/а – вместо мы с мужем (женой), моя (мой) жена (муж); извиняюсь или я, конечно, дико извиняюсь (вместо извините или простите – в зависимости от ситуации); немотивированное использование слов с обобщенным или терминологическим значением: у меня сегодня массаж конечностей вместо ...массаж ног (рук); с уменьшительными или уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, будь здоровчик!; неточное обозначение действия, тоже с немотивированным преуменьшением его интенсивности (я тебе звякну часов в девять и подскочу, т. е. позвоню по телефону и приеду к тебе; не подскажите, где метро; Иван Иванович подойдет где-то часов в десять).

Где-то, как бы, типа

– Он тебе как бы нравится? – Парень типа лежал на полу с про-

ломленной головой. Я его где-то понимаю. Такие и подобные фразы постоянно слышатся последние несколько лет в обыденной речи. Да и в речах политиков, парламентариев, в интервью бизнесменов, в материалах радио- и тележурналистов аналогичные высказывания далеко не редкость! Особенно наши современники любят “как бы”: Конечно, это как бы в большой степени шутка; Я тоже хочу здесь прояснить, чтобы это не вызвало как бы сомнений; время трудное и потому как бы интересное. См. фразы с где-то: Следующая пресс-конференция будет где-то часов в 10 по Москве; Александр Музыкантский подойдет где-то попозже, где-то в девятнадцать пятьдесят (см.: Горбановский и др., с. 44, 38).

Перечисленные способы неточного, приблизительного, неопределенного высказывания мысли вписываются в интенсивно развивающийся процесс активизации категории неопределенности, наблюдаемый в русском литературном языке в конце XX – начале XXI века (впрочем, такой же процесс происходит и в других языках), – отмечает В.С. Елистратов, – что мы, говоря, к примеру, о времени свидания, не скажем: в шесть, а скажем: где-то в шесть, в районе шести, около шести, в шесть так примерно, ну приблизительно так в шесть, где-то плюс-минус... и т. д. и т. п. Просим мы не тысячу рублей, а рублей так под тысячу, в районе того. И далее – присловутое как бы пришел, как бы здесь и тому подобное. (Елистратов, с. 217).

Первым из рассматриваемых слов в нарушение литературных норм стало употребляться местоименное наречие где-то – примерно с 60-х гг. XX в.

При нормативном употреблении “в каком-то (точно не известном) месте” (Где-то мороз трещит, а здесь красота: тепло, солнышко греет), в синтаксической функции обстоятельства (обстоятельства места) где-то используется вместо

а) наречия приблизительно (В поле вышло где-то комбайнов десять) или примерно (Где-то в середине мая в его болезни наступил перелом);

б) местоимений что-то или кое-что – им присуща синтаксическая функция дополнения. См.: Возможно, он где-то (надо: в чем-то) даже поскромничал; Где-то (надо: в чем-то или кое в чем) не повезло, подвели вратаря;

в) местоимения когда-то: Где-то (надо: когда-то) после войны они поженились (подробнее см.: Трудности..., с. 81–82).

Впрочем, на рубеже XX–XXI вв., судя по “Толковому словарю русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, вышедшем в свет в 1997 г., описанное выше употребление местоименного наречия где-то допустимо, но только строго ограничено: в рамках разговорной (литературной) речи в ситуациях весьма непринужденного обиходно-бытового общения (см. названный словарь, с. 127).

Между тем в речи публичной, в текстах СМИ – прежде всего на радио и телевидении (в том числе в интерактивных жанрах!), а также в газетных и журнальных материалах – рекомендуется придерживаться употребления наречия где-то в соответствии с присущим ему традиционным значением, вполне актуальным для современной литературной речи, и синтаксической функцией обстоятельства.

В современном русском литературном языке как бы выступает в качестве а) уподобляющей частицы: выражает приблизительное сходство, подобие (Отвечает как бы нехотя), б) союза: выражает сравнение (Зашуршало в траве, как бы прополз кто-то); а словоформа типа, согласно сложившейся литературной норме (закрепленной в современных толковых словарях русского языка) выступает в функции предлога (в родительном падеже) (Гостиница типа пансионата, Супермен типа Джеймса Бонда), т. е. в сочетании с существительным в родительном падеже или с неизменяемым существительным, условным названием (Зенитная установка типа “Стрела”). В составе такого сочетания данная словоформа имеет значение “вроде, наподобие чего – кого” (см. упомянутый Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, с. 280, 798).

В речевом обиходе последних лет: и в бытовых диалогах, и в служебном разговоре, и в речи научных работников, деятелей культуры, политиков, предпринимателей, журналистов, производственников, учителей, медиков как бы и типа употребляются ошибочно, в не свойственных им контекстах, вопреки их значениям и сложившимся лексическим и грамматическим связям.

Чаще всего вставленное во фразу как бы обесмысливает сказанное (как, например: Он был как бы убит – о погибшем человеке; Суд как бы вынес приговор: пять лет тюрьмы или Суд вынес как бы приговор... – говорится о конкретном заседании суда, вынесшим приговор по заслушанному делу; Я тебя как бы люблю – говорит молодой человек своей любимой, см. также приведенные выше иллюстрации немотивированного употребления как бы) или придает ей ненужную и непредусмотренную говорящим двусмысленность.

Что касается сочетания “типа + родительный падеж существитель-

ного”, то в небрежной, неумело, плохо организованной в семантическом, грамматическом и стилистическом отношениях речи словоформа типа вопреки и лексико-стилистическим и грамматическим нормам соединяется с глагольной формой: Извините, я типа опоздал; Он типа не вернул мне долг.

Литература

Горбаневский и др. – Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ, под ред. Ю.А. Бельчикова, 2 изд., испр. и доп., М., 2001.

Елистратов – Елистратов В.С. Паронимия, как было сказано... / “Знамя”, 2001, № 10.

Трудности... – Трудности русского языка. Справочник журналиста, под ред. Л.И. Рахмановой, Изд. 2, испр. и доп., Изд-во МГУ, 1981.